ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА
ПОД РЕДАКЦИЕЙ проф. С. А. ФАЛЬКНЕРА

Проф. П. П. ГЕНЗЕЛЬ.

СИСТЕМА НАЛОГОВ СОВЕТСКОЙ РОССИИ

ИЗ — ВО
«ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ»
МОСКВА — ЛЕНИНГРАД
1924

„ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА“

под редакцией проф. С. А. ФАЛЬКНЕРА

Проф. П. П. ГЕНЗЕЛЬ

СИСТЕМА НАЛОГОВ СОВЕТСКОЙ РОССИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
„ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ“
МОСКВА 1924 ЛЕНИНГРАД

Ленинградский Гублит № 22551. Отпеч. 3.000 экз. 4. л. Заказ № 285.

Система налогов Советской России.

1. Период экспроприации имущих классов.

Современная система налогов Советской России возникла и развилась в связи с новой экономической политикой.

По существу, с отменой права собственности на землю, с аннулированием процентных бумаг, национализацией промышленности и, наконец, отменой частно-торгового оборота отпала надобность и даже самая возможность какой-либо налоговой политики. И, даже более того, в первый период Советская власть смотрела на налоги не как на нормальный финансовый ресурс, т. е. как на средство изымать ту или иную часть народного дохода для покрытия расхода по текущим нуждам государства, а как на способ довершить конфискацию имущества, оставшегося еще в руках имущих классов населения. В частности, венцом подобной налоговой политики и вполне последовательной мерой в строе идей о конфискации частного капитала явился «единовременный чрезвычайный 10 миллиардный революционный налог», установленный декретом Всероссийского Исполнительного Комитета от 30 октября 1918 г.

Этот чрезвычайный налог был разверстан, согласно особого расписания, на отдельные местности Республики и обложил всех граждан, «принадлежащих к имущим группам городского и сельского населения», исключив только лиц, которые имели единственным источником заработную плату не свыше 1.500 руб. в месяц (около 75 руб. зол.) и не обладали денежными запасами. Комитеты бедноты, сельские, волостные и го-

родские Советы депутатов производили раскладку этого чрезвычайного налога.

Однако, чрезвычайный налог не дал ожидаемых результатов: за двухгодичный период его взимания в действительности поступило несколько более $1^{1}/_{2}$ миллиардов руб., т. е. всего около $16^{0}/_{0}$ назначенной к разверстке суммы и, кроме того, были принудительно списаны числившиеся на текущих счетах вклады частных лиц в кредитных учреждениях.

Подобный исход дела является довольно естественным, ибо налоги по общему правилу могут платиться лишь за счет дохода граждан, — в данном случае граждан из среды имущих классов,—но предшествующими мероприятиями Советской власти возможность получения дохода из нетрудовых источников была почти целиком исключена. Кроме того, здесь нельзя забывать и того обстоятельства, что даже если бы имущие граждане сохранили принадлежащие им капиталы, то все же платеж подобного налога в главной доле мог бы, очевидно, совершиться лишь путем залога их имуществ и кредита (как только и может уплачиваться всякий исключительно крупный чрезвычайный налог на капитал), а вся кредитная система в то время была уже ликвидирована. Впрочем, даже прямое отобрание капитала в натуре в финансовом смысле представляло для государства выгоду только постольку, поскольку этот переход одновременно в полной мере сохранял доходность конфискуемых об'ектов, ибо земли, дома, фабрики и т. п., переходя в руки государства, интересны для фиска в финансовом отношении только с точки зрения приносимого ими дохода: конфискация капитала, как такового, не имеет и не может иметь финансового значения для государственного казначейства, а потому и чрезвычайный революционный налог не мог иметь иного назначения, как стать средством довершить экспроприацию доходных источников буржуазии, — экспроприацию, уже почти полностью осуществленную декретами о национализации земли, фабрик, процентных бумаг и т. д. Ведь даже конфискация

вкладов и аннулирование % бумаг (что равносильно их экспроприации) имело реальную выгоду для государства только постольку, поскольку тем самым в его пользу удерживался доход, т. е. получалась экономия на платеже процентов.

Поэтому, именно, чрезвычайный революционный налог и не дал ожидавшихся фискальных результатов, и эта мера имела, по существу, не финансовую (т. е. направленную на получение государственного дохода) цель, а задачу социально-политического характера. Отсюда вполне понятна финансовая безрезультатность и другого декрета, который был издан Советом Народных Комиссаров на следующий день после декрета о чрезвычайном 10-миллиардном налоге, именно, декрета от 31 октября 1918 г. о порядке взимания местных контрибуций или так. наз. «единовременных чрезвычайных революционных налогов, устанавливаемых местными Советами Депутатов». Эта безрезультатность в финансовом отношении должна была быть тем большей, что декрет требовал взимание подобных местных контрибуций «преимущественно наличными деньгами».

К тому времени Советское Государство удержало в руках граждан из доходных источников только доход от сельского хозяйства. Поэтому в строе идей о социализации общества было вполне последовательно издание декрета ВЦИК «об обложении сельских хозяев натуральным налогом» от 30 октября 1918 г., т. е. одновременно с декретом о чрезвычайном 10-миллиардном налоге. И, что особенно знаменательно, натуральный налог был построен таким образом, что он отбирал все излишки сельско-хозяйственной продукции, сверх необходимого минимума для собственного продовольствия. Хотя в заголовке декрета ставилась задача, «чтобы в деревне средние крестьяне облагались лишь умеренным налогом, а на кулаков—богатеев была возложена главная часть государственных сборов», однако, практически вопрос сводился к реквизиции всех излишков, ибо «налог, подлежащий внесению плательщиком с продуктов сельского хозяйства, исчислялся с излишка их по

сравнению с потребностями самого хозяина и определялся по размерам площади посева и по количеству голов скота»; «освобождались от налога хозяева, имеющие на 1 октября такое количество десятин снятого уже в текущем году посева и такое число голов скота, какие дают запасы продуктов, необходимые только для собственного потребления». Чем больше размер площади посева и чем больше количество голов скота по отношению к числу едоков в хозяйстве, тем выше была сумма подлежавшего сдаче количества натуральных продуктов применительно к средней урожайности района.

Отсюда ясно, что налоговая политика Советской власти в этот период строилась на совершенно иных основаниях и преследовала совершенно иные цели, чем обычная фискальная политика. На самом деле, если министры финансов всех стран ставят себе задачей получение необходимых государству средств с таким расчетом, чтобы сохранить источник обложения, то Советская власть принципиально становилась на точку зрения экспроприации самого доходного источника. В этом же направлении были использованы и ранее действовавшие налоги, как например, подоходный, декрет о котором (27 марта 1919 г.) допускал максимум дохода в 72.000 руб.

Практически такая фискальная политика должна была привести к полному исчезновению об'ектов обложения: денежные налоги умерли сами собой, а натуральный налог повел к решительному сокращению запашек [1]). Что же касается косвенного обложения, то таковое, вследствие национализации всей промышленности, утратило прямой смысл. Декретом 21 ноября 1918 г. косвенные налоги были заменены начислениями в пользу государства к цене продуктов и изделий, передаваемых производящими организациями в распоряжение распределительного аппарата (всей сети советских и кооперативных распределительных пунктов); однако, такие начисления естественно пре-

---

[1]) См. НКФ. Народное и Государственное Хозяйство СССР 1922—1923 года, стр. 23.

вратились в простые бухгалтерские расчеты между государственными учреждениями, а потому и были формально отменены декретом 17 января 1920 г.

2. Новая экономическая политика и восстановление налоговой системы.

В тисках блокады и изнурительной гражданской войны и в условиях общей экономической разрухи и дефицитности народного хозяйства Советская Республика напрягала до последней возможности свои финансовые ресурсы в двух направлениях: 1) натуральным обложением крестьянства с обращением почти всей продукции своей национализированной промышленности на нужды обороны и 2) выпуском бумажных денег.

Одно время можно было думать, что бумажные деньги обесценятся до такой степени, что они сами собой исчезнут и окажутся ненужными в народном хозяйстве, которое все более переводилось на натуральное снабжение. При этих условиях отпал и самый смысл удержания денежных налогов, ибо они стали играть слишком ничтожную роль и даже могли явиться известной помехой делу естественного отмирания денег и денежного оборота. Поэтому в начале 1921 года Советское Правительство в принципе провозгласило отмену всех денежных налогов и сборов и приостановило их взимание.

Однако, полный перевод всего народного хозяйства на регулированное производство и распределение оказалось невозможным довести до конца. Страна была истощена до крайних пределов. Промышленность, работая главным образом на нужды обороны, не давала населению необходимой продукции, и не последнюю роль в падении производительности труда в промышленности играло недостаточное снабжение рабочих. С другой же стороны, крестьянство, вынужденное отдавать все свои продовольственные излишки и не получавшее никакого эквивалента за отбираемые у него продукты, стало сокращать запашки и все более замыкаться в рамки натурального хозяйства

тем более, что в условиях блокады отпал один из важнейших источников благосостояния нашего сельского хозяйства — внешний рынок, по своей емкости даже превосходивший до войны внутренний рынок сбыта.

Поэтому нужно было создать особые стимулы к тому, чтобы заинтересовать крестьянство в усилении своих запашек, а промышленность побудить увеличить свою производительность. Эта цель и была положена в основу новой экономической политики.

В этих видах крестьянству было предоставлено право все свои излишки, за уплатой продналога, сбывать на частный рынок, а это, конечно, должно было заинтересовать крестьянство в увеличении своей производительности и в усилении запашек. С другой же стороны, в целях поднятия производительности фабрик и заводов, государство предоставило им право снабжения частного рынка и достаточную свободу их хозяйствованию, сб'единению в тресты и проявлению собственной инициативы.

Такой переворот в экономической политике уже сам по себе требовал возврата к только еще недавно предположенным к отмене приемам финансовой политики. Когда широким слоям крестьянства была дана возможность сбывать на частный рынок произведения сельского хозяйства, когда не только мелким частным, но и крупным национализированным предприятиям было дано право выпускать в продажу большую или меньшую часть своей продукции, а всем гражданам открыто разрешено заниматься торговлей хлебом и прочими сельско - хозяйственными продуктами и произведениями промышленности,—вполне естественно должен был возникнуть вопрос о восстановлении налогов, которые должны были бы в той или иной степени вбирать новые излишки доходов граждан, ибо государство не могло сводить концы с концами, когда значительная доля былых ресурсов перешла в свободное распоряжение граждан Республики.

Не даром поэтому первое внимание Народного Комиссариата Финансов и было обращено на восстановление промыслового

обложения. Правда, последнее было введено на весьма упрощенных началах. Но и сама экономическая жизнь, и, прежде всего, торговля и промышленность только стали возрождаться вновь, при том в сравнительно простых формах. Осторожность требовала умеренного подхода к этому делу и потому, что на местах весь податной аппарат был уже расформирован и пришлось созидать его вновь.

Жизнь не могла удовлетвориться только этим. Все результаты новой экономической политики могли быть сведены на нет, если бы финансовая политика государства по-прежнему стала базироваться на так наз. «эмиссионном хозяйстве», т. е. на выпуске бумажных денег. Конечно, о полном восстановлении прежней податной системы не могло быть пока и речи, ибо при отсутствии признания прав на землю, вследствие аннулирования процентных бумаг, ограничения домовладения и торгово-промышленной деятельности и т. д., для применения прямого обложения во многих его формах нет соответствующих условий. Постоянно растущие нужды государства потребовали использования всех возможных форм прямого и косвенного обложения.

Но как бы то ни было, все различные виды прямого обложения при бедности нашего населения и, в частности, при наличности довольно обессиленного городского населения, не могли дать всех необходимых государству или особенно крупных поступлений. Поэтому пришлось прибегнуть к пошлинам и к косвенным налогам. Из косвенных же налогов в первую очередь обратились к таким, которые поражают, главным образом, известный достаток или удовлетворение второстепенных потребностей, вроде акциза на табак и табачные изделия, виноградное вино, затем спички и т. д.

При несовершенстве податного аппарата и бедности населения все ставки новых косвенных налогов необходимо было установить в умеренных размерах, иначе могла бы образоваться корчемная торговля или полная недоступность потребления хотя и второстепенных, но все же существенных про-

дуктов, как табак, спички и т. п. Между тем это, в свою очередь, должно было обеспечить государству слишком скромный доход. И, кроме того, при той широкой нивеллировке имущественного достатка, которую создала революция, не было никакой возможности избежать и таких налогов, которые затрагивали бы широкие массы населения.

В числе таких налогов естественно должен был занять более или менее видное место и налог на соль. В буржуазных странах Запада это — широко распространенный налог, дающий крупные доходы. Для всякого совершенно ясно, что при посредстве такого налога, как налог на соль, население мелкими дозами постепенно вносит свою лепту, сплошь и рядом едва замечая обременительность платежа.

Но роль новой налоговой политики неизмеримо более важна и существенна в современных условиях, чем может показаться на первый взгляд. До последнего времени недостаточность ресурсов заставляла Советское Правительство все сильнее и сильнее напрягать печатный станок и выпускать миллиарды и триллионы рублей бумажных денег. Однако всякому известно, что выпуск бумажных денег только в том случае обеспечивает сколько нибудь серьезный эффект для государственного казначейства, если он опирается на более или менее правильно поставленную налоговую систему. На самом деле: излишки бумажек, выбрасываемых государством, непременно должны обратно втягиваться в кассы казначейства, иначе бумажки потеряют всякую цену. Когда отсутствует возможность размена бумажно - денежных знаков на металл в данный момент или в более или менее близком будущем, то единственно серьезным обеспечением является только так наз. «податное обеспечение», т. е. тот факт, что ценность денежных знаков поддерживается потребностью дензнаков для платежа налогов. Если бы все излишки выпускаемых государством бумажек извлекались обратно налоговым прессом, то они не могли бы обесцениваться.

Конечно, сокращение на рынке товаров неизбежно влечет за собою падение курса бумажных денег, но насколько сильнее должен был бы сказаться этот результат, если бы он не опирался на «выпрямляющую» роль системы государственного и местного обложения. Ведь, недаром, вслед за провозглашением свободы торговли и установлением у нас первых зачатков податного пресса, мы в сентябре и октябре 1921 г. наблюдали поразительную картину стабилизации курса бумажного рубля. Даже более, числа-показатели главнейших товаров обнаруживают, что в эти месяцы рубль не только временно остановился в своем падении, но и цены на главнейшие товары, в общем, даже слегка понизились, несмотря на то, что фабрика заготовления денежных знаков работала с прежней напряженностью. Правда, в конце 1921 года и в начале 1922 г. товарные цены опять стали быстро расти, однако, здесь приходится считаться с исключительно печальным фактом оскудения товарного рынка, происшедшего под влиянием неслыханного неурожая. И хотя финансовой организацией и нельзя вылечить глубокое расстройство народного хозяйства, однако, в такие времена государство поневоле в еще большей степени напрягает свой печатный станок. И, чтобы задержать слишком стремительное падение цен, государству в этом случае приходится в тем большей степени усиливать податной нажим.

Мы должны учитывать то обстоятельство, что выпуск бумажных денег поражает тяжелым образом, прежде всего, рабочих и служащих государства. При бумажно-денежной инфляции цены всегда неизбежно растут быстрее, чем прибавки на дороговизну. Как бы мы ни усиливали работу печатного станка, все же прибавки никогда не могут угнаться за ростом цен. Если бы это было иначе, то вся работа экспедиции Гознака пошла бы впустую: на инфляции государство именно и имеет тот «эмиссионный налог», который всей тяжестью падает на рабочих и служащих. Этот «эмиссионный налог» страшно губителен не только тем, что он так тяжело отзывается на ин-

тересах рабочих и служащих, но и тем, что он искусственно родит спекуляцию. Широкие слои населения начинают лихорадочно скупать последние остатки товаров и выжидать стремительного повышения цен и все норовят нажить на разнице цен. Крестьяне, не видя толка в продаже своих продуктов за вечно падающие в цене бумажки, начинают воздерживаться от предложения своих продуктов и даже сокращать «бесполезные» посевы. В этом отношении тем более важная роль должна выпасть на долю податного аппарата, который должен парализовать бешеный рост цен и дороговизны. Насос государственного обложения должен стягивать обратно чрезмерные избытки бумажек и бороться на два фронта: и против обесценения валюты и против вызываемой этим обесценением спекуляции.

Вред и несправедливость «эмиссионного налога» заставляют предпочесть ему любые налоги. Налог на соль в этом смысле, несомненно, более желателен: он хотя падает на всех почти на равную сумму, но все же падает и на буржуазию, и на спекулянтов, тогда как эмиссионный налог всей своей тяжестью и односторонне падает именно на рабочих и служащих.

Конечно, слабая налаженность податного аппарата и полное отсутствие данных для определения налогоспособности различных категорий плательщиков заставляли обращаться и к весьма примитивным способам обложения. Нет ничего удивительного, если при этих условиях, когда в первый период новой экономической политики потребовались крупные средства на помощь голодающим и на борьбу с надвигающимися эпидемиями, Советское Правительство прибегло к крайне упрощенному, но гарантирующему достаточные поступления, общегражданскому налогу с его грубыми признаками, причем все трудоспособное население было поделено всего на три разряда. Не говоря уже о гуманитарной цели такого налога, приходится признать, что он справедливее хотя бы налога на соль, ибо облагает только трудоспособное взрослое население, тогда как соль потребляют и дети, и старики, и инвалиды.

Финансовый успех общегражданского (по существу, подушного) налога побудил повторить этот прием обложения в конце 1922 и начале 1923 года в целях финансирования дела первостепенной важности—финансового воспособления сельскому хозяйству; но в повторенной форме этот налог принял уже более сложный характер с многочисленными разрядами плательщиков, для которых были установлены различные ставки.

Опыт этого налога показал, что он своим универсальным значением, т. е. в виде широко разлитой налоговой меры, содействовал восстановлению денежного хозяйства и заставил в 1922 г. крестьян выбрасывать свои продукты на рынок: это оздоровляюще повлияло и на состояние товарного рынка, и на советскую валюту.

Это вполне оправдывало дальнейший переход от ранее действовавших форм натурального обложения крестьянства к денежному. Прежде всего этот переход был осуществлен в отношении трудовой и гужевой повинности, которая в целом ряде губерний была заменена денежным налогом, а в феврале 1923 г. денежный трудгужналог установил уже до 7 категорий плательщиков этого налога.

В дальнейшем, в 1923 г., когда была произведена реформа обложения крестьянства и установлен единый сельскохозяйственный налог, где плательщикам было предоставлено право заменять причитающийся с них оклад в ржаных единицах денежным взносом, подавляющее большинство плательщиков предпочло именно денежный платеж. И, можно сказать, у нас подходили к подобной замене натуральных повинностей денежным обложением слишком осторожно и, пожалуй, мы даже запоздали с коренной ломкой натурального обложения крестьянства: очевидно, были правы именно те, которые решительно настаивали на скорейшей и полной отмене натурального обложения вообще...

Скорее в принципиальном, чем в чисто фискальном отношении (в виду незначительности ожидавшегося дохода), имело

значение установление у нас по декрету 16 ноября 1922 года подоходно-поимущественного налога, задавшегося целью настичь те группы граждан, которые в условиях новой экономической политики имеют известный достаток, проистекающий по преимуществу от нетрудовых источников, торговли, промышленности и т. п.

На ряду с этим был широко поставлен принцип платности государственных и коммунальных услуг, при чем в отношении целого ряда этих услуг платность строилась на классовом принципе, т. е. с градацией, в зависимости от принадлежности плательщика к тому или иному классу населения.

Необходимость всячески увеличить налоговый доход заставила широко развить область косвенного обложения, которое было распространено на табак, виноградное вино, махорку, спички, гильзы и папиросную бумагу, пиво, мед, квас, фруктовые и искусственные минеральные воды, спирт, водочные изделия, коньяк и наливки, сахар свекловичный и крахмальный, чай и кофе, соль, керосин и смазочные масла, бензин, дрожжи, свечи, резиновые галоши и текстильные изделия.

Казалось бы, что столь разветвленная и всеоб'емлющая система косвенного обложения должна бы вызывать серьезные возражения против своей сложности, а иногда и мелочности. Однако, в современных условиях это совершенно неизбежно. Чем беднее население, тем труднее подойти к уловлению тех ничтожных избытков, которыми оно обладает, и которые выражаются сплошь и рядом в наличности собственно не излишков, а только способности при известном напряжении дополнять сумму своего дохода или с'экономить на известном расходе. Во всяком случае, путем прямого обложения практически бесконечно трудно настичь слои населения, имеющие минимальные излишки; здесь делу могут помочь лишь достаточно утонченные приемы более или менее универсального косвенного обложения (в роде налога на соль), занимающего видное место в системе налогов в таких значительно более богатых странах, как Франция, Германия, Италия и др.

С другой стороны, слабая покупательная способность населения СССР, а сплошь и рядом и самое состояние соответствующих отраслей промышленности не позволяют доводить ставки отдельных косвенных налогов до надлежащей высоты. Поэтому приходится, не доводя ставок до максимального и даже до обычного довоенного уровня, устанавливать акцизы на самые разнообразные продукты, чтобы всюду собрать хотя бы минимальную лепту.

Правда, в некоторых случаях акцизные требования фиска ставят в несколько затруднительное положение подакцизные предприятия. Многие из них могли бы с полным правом претендовать на получение соответствующего избытка доходов, которые теперь в форме акциза уступаются в казну, и даже, быть может, развить свое производство за счет нового помещения этих излишков. Однако, в настоящее время государство вынуждено пред‘являть требования об отчислении в общие свои ресурсы максимально-возможной части дохода своей национализированной промышленности, особенно той, которая в прежнее время служила источником крупных акцизных поступлений. В этом смысле государство вынуждено сильно раздвигать сферу своего налогового нажима, ибо иначе, при предоставлении широкой свободы хозяйствования, при действии нэп‘а, для руководителей государственных трестов, последние могли бы не всегда проявить должную энергию по сдаче всей возможной прибыли в пользу действительного владельца — государства. Вот почему налоговый пресс, в том числе в форме акцизов, т. е. в форме постоянных отчислений из валовой выручки, представляется вполне уместным, — и речь может итти лишь о соответствующем расширении этого метода отчислений в пользу государства.

Общие фискальные результаты денежных налогов за 1922 — 23 бюджетный год (октябрь 1922 года по сентябрь 1923 г.) составили в золотом исчислении (по оптовому индексу Госплана на каждое 1-ое число месяца): прямые налоги —

106,4 милл. руб., косвенные — 170,1 милл. руб. (из них таможенных пошлин 60,6 милл. руб.), пошлины — 18,8 милл. руб., итого 295,3 милл. руб., из коих отчислено в воспособление местного бюджета 47,1 милл. р., местные налоги и сборы—110,9 м. р., всего государственные и местные денежные налоги дали за год 406,3 милл. руб., или около 3 руб. 35 коп. зол. на душу населения, из коих на долю местных налогов приходится около 90 коп. на душу.

Быстрота восстановления налоговой системы выступает еще с большей силой, если принять во внимание, что за первые девять месяцев 1922 г. все денежные налоги Советской Республики составляли: государственные—21 коп., а местные— 7 коп., итого 28 коп. зол. (по Всероссийскому индексу Коньюнктурного Института) на душу, а по расчету на год — около 35 коп. зол. на душу населения.

Если сравнить с довоенным обложением, то в 1913 году прямые налоги на душу населения давали 1 руб. 63 коп., косвенные (без винной монополии) 2 руб. 12 коп., таможенные - 2 руб. 12 коп., местные сборы — 1 руб. 66 коп., итого 7 руб. 53 коп.

Конечно, все эти сравнения весьма условны, ибо и те и другие данные далеко не однородны, тем более, что в них не фигурирует главный налог Союза Соц. Сов. Республик— единый натуральный налог с сельского хозяйства.

Вместе с тем нельзя не отметить, что тяжесть налогового бремени не определяется лишь подушной квотой налоговых поступлений: важно, главным образом, соответствие налогов платежным силам, т. е. возможности для населения оплачивать налоги за счет избытка дохода (не затрагивая необходимый жизненный минимум дохода).

В этом смысле фискальные возможности ведомства финансов в настоящее время неизмеримо ниже довоенной возможности, ибо современное население, вследствие разорительных последствий мировой и гражданской войн, обладает ничтож-

ными излишками. Как раз этим об'ясняется тот факт, что современные денежные налоги, имея несравненно более низкие ставки, чем до войны, все же ощущаются населением довольно сильно. При этом надлежит иметь в виду, что центр тяжести действующих ныне налогов перенесен в область прямого обложения, — которое ощущается населением более непосредственно, чем косвенное,—не говоря уже о крупнейшем прямом налоге в виде единого натурального налога.

За первые восемь месяцев 1923—24 года налоговые поступления по СССР (без Закавказья и ДВО) по предварительным данным составили: прямые (без сельхозналога)—102 милл. р., пошлины—31 милл. руб., акцизы—114 милл. р., таможенные—36 милл. руб., сельхозналог—191 милл. р., итого—483 милл. р., что указывает на поразительно быстрое развитие нашей налоговой системы.

3. Прямые налоги и пошлины в СССР.

Прямое обложение в Советской России до последнего времени делилось на денежное обложение и натуральное. Первое, по преимуществу, взималось с городского населения, второе обременяло главным образом крестьянство.

Наши общие экономические условия на четвертом году после Октябрьской революции при первых ростках новой экономической политики мало благоприятствовали развитию денежного прямого обложения. И еще менее можно было возлагать надежды на сколько нибудь существенные фискальные результаты высокоразвитых форм прямого обложения, ибо произведенная Революцией широкая нивеллировка имущественного достатка граждан Республики сводила на нет самый смысл усовершенствованных и высокоразвитых форм обложения.

Кроме того, необходимость обратиться к более простым и грубым формам обложения вызывалась также тем, что весь былой аппарат податной инспекции был давно весь расформи-

рован, а в условиях падающей валюты и неустойчивости экономических отношений задачи прямого обложения осложнялись в громадной степени.

По мере организации и совершенствования податного аппарата происходила и соответствующая перестройка прямых налогов и отчасти их усиление. В течение 1921/4 г.г. государственное прямое денежное обложение взималось в форме налогов: промыслового, общегражданского, трудгужналога, подоходно-поимущественного, наследственного и, в последний период, единого сельскохозяйственного, рентного и охотничьего. Общегражданский и трудгужналог носили лишь временный характер и вскоре были отменены. Сбор с промышленных садов и огородов был передан в пользу мест. Независимо от этого в течение 1923 г. было установлено принудительное размещение 6% выигрышного займа; это принудительное размещение распространено и на 2-ой выигрышный заем 1924 г.

а) Промысловый налог.

Первым осуществленным у нас после провозглашения новой экономической политики налогом был промысловый налог по декрету от 26 июля 1921 г., впоследствии дополненному декретами от 10 февраля 1922 г. и 18 января 1923 г.

Не входя в подробное рассмотрение всех этих изменений, мы ограничимся кратким изложением основных начал ныне действующего положения [1]).

Промысловым налогом облагаются торговые и промышленные предприятия и заведения, а также перечисленные в особой росписи единоличные ремесла и промысловые занятия. Промыс-

---

[1]) См. подробный «Постатейный комментарий к Положению о Государственном промысловом налоге» О. В. Барсегянца. М. 1923 г. Полная систематизация всех постановлений, инструкций и циркуляров по промналогу произведена сводным циркуляром НКФ от 16 апреля 1924 г. (опубл. «В. Ф.» оф. отд. № 40 от 7 мая 1924 г.). См. новейшие комментированные издания Л. П. Бобылева (под ред. проф. Лазовского) 1924 и П. Н. Кутлера, 1924.

ловый налог состоит из патентного и уравнительного сборов, при чем стоимость выбранных на предприятие патентов зачитывается в уплату уравнительного сбора за то же полугодие.

Патентный сбор с торговых предприятий варьирует в зависимости от вида торга, по 5 разрядам, и от географического местоположения предприятия. Так, например, по патенту первого разряда разрешается торговля товарами, перечисленными в особой росписи (сельскохозяйственные продукты, печеный хлеб, соль, местные фрукты и овощи, мелкие кустарные изделия, ручные сельскохозяйственные инструменты, смола, деготь, мочало, керосин, спички, папиросы, вакса, газеты, книги и т. д.), на базарах, рынках и других местах, производимая единолично с рук или лотков и т. п.

Патент второго разряда дает право на торговлю единоличную или с помощью одного члена семьи всякими товарами, кроме особо перечисленных (к таковым относятся, например, драгоценные камни и изделия, антикварные вещи, самовары, музыкальные вещи, резиновые изделия, москательные товары, меха, новое готовое платье и белье, материи и ткани), производимую из подвижных помещений или небольших постоянных помещений, не имеющих значения комнаты; сюда же относятся и мелкая скупка и мелкие подряды, мелкие бани, прокат вещей и некоторые другие.

Патент третьего разряда дает право на розничную торговлю, при условии, что при такой торговле состоит не более 4 лиц, считая в том числе и хозяина, скупка до 400 черв. руб., подряды и поставка от 500 до 1.500 черв. руб., бани с числом служащих до 10, аптеки до 5 служащих и некоторые другие предприятия.

По патенту четвертого разряда может производиться: а) полуоптовая торговля партиями от 25 до 75 черв. руб. при числе обслуживающих торговлю лиц не более семи, считая хозяина и б) розничная торговля с числом служащих не более 10, далее, скупка до 1000 черв. руб., подряды и поставки до 5.000 черв. руб., бани с более 10 служащих, аптеки с более

5 служащих, кинематографы с не более 100 мест, пароходные и транспортные предприятия, издательства произведений печати и другие.

По патенту пятого разряда дозволяется производить оптовую торговлю, т. е. крупными партиями свыше 1000 руб., и полуоптовую свыше 7 обслуживающих, розничную свыше 10 обслуживающих лиц и прочую торговлю, превышающую нормы предшествующего разряда.

Самые же ставки патентного сбора составляют по росписанию от 12 сентября 1923 г. в полугодие (в червон. рублях).

Разряды:	Москва		Местности поясов.				
	Руб.	К.	1	2	3	4	5
I	10	75	8	6	4	3	2
II	16	75	13,50	10	6,75	5	3,25
III	54	—	43	32	22	16	11
IV	165	—	135	100	67	51	34
V	540	—	430	320	215	160	110

Местности поясов устанавливаются Наркомфином по соглашению с Комвнуторгом и Высшим Советом Народного Хозяйства; к 1 поясу отнесены Киев, Одесса, Ленинград, Ростов на Дону с Нахичеванью и Харьков.

Для промышленных предприятий установлено двенадцать разрядов в зависимости от числа рабочих и места нахождения предприятия, при чем наличность механических двигателей повышает разряд, и такое же повышение имеет место в отношении некоторых промышленных предприятий, как то ювелирных, скорняжных, модных и прочих предприятий, а равно фотографий, винокуренных, пивоваренных заводов и заведений для

выделки мыла и парфюмерных изделий и проч. Самые ставки для Москвы прогрессируют в полугодие от 6 руб. черв., при наличности не свыше 3 рабочих, до 1000 руб. при числе рабочих свыше 1000, составляя в среднем около 1—2 руб. на 1 рабочего в полугодие.

Независимо от патента за самое предприятие должны выбираться особые патенты для складочных помещений при торговых и промышленных предприятиях ценою от 10 до 34 р. черв. в полугодие по Москве и несколько менее в других местностях.

Для личных промысловых занятий также обязательна выборка промысловых патентов, которые равным образом варьируются по пяти разрядам и шести поясам местностей (в Москве от 5 до 47 руб. черв. в полугодие) в зависимости от характера занятий, как то ремесленников, приказчиков, техников, лиц свободных профессий и т. д. В настоящее время, с введением подоходно-поимущественного обложения, роспись таких занятий подлежала бы сокращению, как дублирующая обложение одного и того же дохода, тем более, что и в подоходном налоге в настоящее время введены твердые минимальные оклады (см. ниже).

В дополнение к патентному сбору и с зачетом такового для торговых и промышленных предприятий установлен особый так наз. «уравнительный» сбор, — который взимается пополугодно с суммы оборота предприятия (т. е. с суммы валовой выручки по продаже товаров за наличные или в кредит или с суммы продажной стоимости добытого и проданного сырья или выработанных и проданных изделий в промышленных предприятиях) за предшествующее полугодие. Первоначально нормальная ставка этого сбора составляла 3% с оборота и столько же в пользу местного бюджета, независимо от временной 1% надбавки в пользу Центрального Комитета Помощи голодающим, при чем налоговым комиссиям предоставлялось, в зависимости от времени, местных или индивидуальных условий, повышать (но не более, чем вдвое) или понижать этот оклад. Ныне постановлением Наркомфина от 21 июля 1923 г.—отчасти

в связи с переходом на исчисление в твердой валюте,—нормальный процент оклада установлен в размере $1^1/_2$ процентов, а циркуляром от 25 июля того же года установлена подробная классификация торговых и промышленных предприятий по процентам обложения их уравнительным сбором.

Новая классификация построена на следующих принципах. Ставка этого дифференцированного уравнительного сбора установлена различная для оптовой торговли, с одной стороны, и для розничной и мелочной, с другой, при чем по общему правилу оптовая торговля обложена приблизительно на 50% ниже розничной и мелочной. Преобладающий оклад для первой — 1% с оборота, а для второй — $1^1/_2$%, но в одном случае делается дальнейшая дифференциация, именно, торговля продуктами нефтяной промышленности обложена: 1) оптовая: а) государственная—$^1/_2$%, и б) кооперативная и частная $1^1/_2$%, 2) розничная: а) государственная 1%, б) кооперативная и частная $1^1/_2$%. Для промышленных предприятий эта дифференциация по принадлежности предприятия к разряду государственного или же кооперативного и частного предприятия применяется весьма широко, при чем для кооперативных и частных предприятий оклад уравнительного сбора обычно в два, а иногда в четыре раза выше оклада для государственных предприятий. Для государственной промышленности по добыче каменного угля, руд, металлургических заводов, электротехнических и электроосветительных предприятий уравнительный сбор понижен до $^1/_4$% (для кооперативных и частных он в 2 — 4 раза выше). Более сильно обложена, по общему правилу, подакцизная промышленность (большей частью $1^1/_2$% с оборота), пищевая промышленность ($1^1/_2$—2%) и производство предметов роскоши (2 — 6%). При этом надлежит иметь в виду, что в пользу местного бюджета допускается надбавка в 100%, что на практике сводится к удвоению государственных окладов.

Для исчисления уравнительного сбора в каждом налоговом участке образуются под председательством финансового инспек-

тора участковые налоговые комиссии в составе 2 представителей от местного исполкома, 1 от местного об'единения профсоюзов, 1 от губсовнархоза или отдела местного хозяйства и двух членов из числа плательщиков [1]).

Вследствие решительных жалоб со стороны представителей государственной промышленности на то, что при указанной системе обложения оборота прохождение товаров даже в пределах одного и того же треста подвергается многократному обложению, были изданы 18 января 1923 г. временные правила обложения уравнительным сбором государственных трестов, синдикатов и комбинатов, акционерных и смешанных обществ, обществ взаимного кредита, банков и союзов кооперативов.

Исчисление уравнительного сбора со всех предприятий указанных организаций производится в особом комитете при губфинотделе по месту нахождения правления по отчету последнего о сумме оборота всех об'единенных предприятий, причем передвижения ценностей внутри об'единения и между составляющими его предприятиями не причисляются к облагаемому обороту.

Значительные льготы установлены также и для кооперации. Согласно декрета от 7 декабря 1923 г., от промналога освобождены: а) первичные сельские и рабочие фабрично-заводские кооперативные организации и их предприятия с годовым оборотом не свыше 20.000 руб. черв.; б) сельско-хозяйственные предприятия кооперативных организаций и земледельческих артелей и коммун вне городов (скотоводческие, молочно-хозяйственные и пр.); в) производимый кооперативным об'единением сбыт произведений их членов и приобретение для них необходимых предметов снабжения их сельского хозяйства г) кооперативные случные, прокатные, зерноочистительные пункты и т. п. и мастерские для ремонта сельскохозяйственных орудий и кузниц Далее, промысловое обложение понижается

([1] См. циркуляр НКФ 10 марта 1924 г. («В. Ф.» оф. отд. № 25).

для кооперативных организаций на 50%, если они обслуживают только своих членов и на 25%, если они обслуживают и посторонних лиц. Наконец, промналог за первое полугодие отсрачивается для кооперативов на два года, а налог за личные промысловые занятия для не более трех служащих не взимается.

Независимо от нормального промыслового обложения на вышеуказанных основаниях, производство предметов роскоши и торговля ими облагаются дополнительно и в усиленных размерах. Первая группа включает между прочим: изделия из серебра, кожи, ковры, кроме войлочных и пеньковых, материи шелковые, бархатные и т. д., дорогую обувь и перчатки, дамские шляпы, гастрономические товары. Вторая группа включает: изделия из золота, платины и драгоценных камней, художественные вещи из фарфора и т. п., мебель стильную, выездные экипажи и автомобили, заграничные кружева, тюль и т. п., меха, кроме простейших, парфюмерию и косметику, кондитерские изделия, заграничные табак и вина, оранжерейные или привозные цветы и декоративные растения.

Промышленные предприятия и ремесленники, производящие предметы роскоши, должны выбирать добавочные патенты стоимостью в 50% от суммы патентного сбора, которому они подлежат. Торговые же предприятия, продающие предметы роскоши, и кофейные и рестораны IV и V разрядов должны выбирать дополнительные патенты против патента III разряда: предприятия II и III разрядов — 100%, предприятия IV разряда—150% и предприятия V разряда—250%.

Кроме того, все эти предприятия подлежат уравнительному сбору: торгующие или производящие предметы роскоши первой группы—в размере 6% с оборота, и второй группы 12% (в том числе с кофейных и ресторанов), при чем суммы, уплаченные за добавочные патенты, в уплату дополнительного сбора не засчитываются.

Из'яты от промналога государственные и коммунальные предприятия, содержимые на государственный счет или местные

средства в сметном порядке, без отдачи в аренду, не продающие своих продуктов по вольным ценам и не служащие для частных надобностей, не переведенные на хозрасчет предприятия общественного благоустройства и транспорта, общественного здравия и продовольствия и воспособления сельскому хозяйству, Доброфлот, Госбанк, государств. железные дороги, почта, телеграф, телефон, издательства государств. и профсоюзов.

Местным советам предоставлено право устанавливать надбавки не свыше 100% от цены как основных, так и дополнительных на производство предметов роскоши и торговлю ими патентов и окладов уравнительного сбора. Независимо от этого 50% сумм промналога, поступивших в пользу государственного казначейства, отчисляются в пользу местного бюджета, из коих 15% могут быть забронированы в дополнительный фонд для оказания помощи отдельным губерниям в исключительных случаях.

Такова система действующего у нас в настоящее время промыслового обложения. По существу, главное значение имеет так наз. уравнительный сбор (название — довольно неудачное, но в данном случае имелось ввиду несколько сгладить огульные ставки патентного сбора), т.-е. налог на торгово-промышленный оборот. В условиях неустойчивой коньюнктуры и падающей валюты этот способ промыслового обложения наиболее надежно гарантирует достаточно крупные фискальные результаты. Недаром именно к нему прибегли в эпоху сильнейшего напряжения финансов и неустойчивой валюты последнего времени и западно-европейские государства (до войны не знавшие этой формы налога), как-то Германия, Австрия, Франция, Венгрия, Чехо-Словакия, Югославия, Румыния, Канада, Бельгия, Италия, Болгария и др. страны. Частично облагается в настоящее время оборот в некоторых его видах в Голландии, Дании, Польше, Норвегии, Швеции и друг. государствах. И в прежние эпохи в аналогичных условиях неустойчивой валюты — фиск пытался

осуществить подобного рода систему «универсального акциза» (т. наз. алкавала и т. п.).

Конечно, налог на оборот далеко не может почитаться равномерным, и условия его переложения и влияние на торговлю и промышленность и население вообще не поддаются сколько-нибудь ясному учету. Уравнительный сбор на первых порах вызвал у нас ряд жалоб, а в среде представителей государственной промышленности ему склонны были придавать значение меры, в корне расстраивающей и губящей экономическую жизнь. Многократность обложения оборота в пределах треста казалась очевидной бессмыслицей, хотя точно такой же оборот в частной торговле и промышленности облагается многократно.

За последнее время жалобы ослабели (исключая жалобы на произвольность исчисления оборотов), и это не может почитаться случайным явлением. На самом деле, в начале введенная ставка в 7% (3% в пользу государства, 3% в пользу мест и 1% — Помголу), несомненно, ощущалась весьма тяжело, особенно в государственных предприятиях, где утайки были затруднены. Если уравнительному сбору приписывалась вина закрытия ряда торговопромышленных предприятий, то в этом — явное преувеличение: по сравнению с тяжестью арендных плат за торговопромышленные помещения, где нередко царил произвол, всяких полузаконных и незаконных поборов и сборов, обязательных платежей по социальному страхованию и друг., неурегулированностью правовых отношений и т. д., и т. д., якобы гибельные последствия уравнительного сбора крайне преувеличены.

У нас пытались смягчить действие уравнительного сбора установлением дифференцированных и часто весьма пониженных ставок. Однако, не говоря о гадательности подобных тарифов, приходится признать, что в этой области ставки могут быть допущены самые причудливые или более или менее однообразные без того, чтобы были созданы опасные последствия для торговопромышленного оборота. Мы сочли напр., уместным для

каменноугольной промышленности установить ставку в $^1/_4\%$ с оборота, а в Германии одно время ставка составляла для каменного угля 40%. Очевидно, налог на торгово-промышленный оборот действительно близко подходит к типу универсального акциза, и торговля и промышленность приспосабливаются в деле переложения этого налога на потребителей. Поэтому в самом начале подобный налог, как и всякий акциз, вносит большую или меньшую пертурбацию в затрагиваемые им отрасли, но затем наступает известное приспособление. Нельзя при этом утверждать, что в таком случае налог типа нашего уравнительного сбора становится сугубо неравномерным и заслуживает того же осуждения, что и все косвенные налоги. Дело в том, что в таком универсальном акцизе имущие классы, как расходующие по общему правилу большие суммы, фактически несут и большую долю этого налога: недаром научная мысль пыталась конструировать особый налог на р а с х о д ы, и немецкий ученый Пфейффер уже давно предлагал его даже в качестве единого налога.

Нет, разумеется, нужды итти так далеко, но некоторые приблизительные подсчеты, произведенные в истекшем году в Наркомфине, дают довольно утешительные выводы, что уравнительный сбор падал в 1923 г. по Москве в среде рабочих от 92 коп. до 4 р. 78 коп. на 1 самодеятельного плательщика, в среде служащих от 2 р. 03 к. до 20 р. 16 к., в среде лиц свободных профессий от 6 р. 86 к. до 112 р., в среде торговцев, нэпманов и т. п. от 5 р. 88 к. до 210 р. зол в полугодие. Если эти подсчеты довольно приблизительны и даже отчасти гадательны, то все же они достаточно правдоподобны. Тем не менее несовершенство этого налога требует значительной умеренности ставок (на Западе обычная ставка 1—2%, в Германии $2^1/_2\%$), но и при такой умеренности он все же способен отбрасывать относительно весьма крупные суммы поступлений, и центральным пунктом остается вопрос о том, насколько население вообще может вынести подобное налоговое бремя, — вопрос, который при не-

обходимости обращаться к выпуску бумажных денег, сводится к требованию большой беспощадности...

Если бы даже мы признали бесконечно более правильным базироваться в этом случае на чисто-подоходном обложении, то все же мы будем вынуждены констатировать, что такой налог требует довольно высокого минимума, свободного от обложения, и не обещает больших поступлений в наших условиях. При этом большая часть доходов, подлежащих подоходному налогу, складывается у нас опять таки из доходов от торговли и промышленности: это лишь дублировало бы промысловое обложение, если бы последнее падало исключительно на торгово-промышленный доход, и весьма вероятно, как всякое парциальное обложение (одного какого либо вида дохода), могло бы перелагаться с большей или меньшей легкостью.

Впрочем, система подобного уравнительного сбора имеет у нас еще то оправдание, что она создает условия, при которых наша переведенная на хозрасчет госпромышленность и госторговля искусственно вынуждаются отбрасывать государственному фиску известный минимум дохода во что бы то ни стало и даже сугубо сокращать прочие накладные расходы, — а это при преобладающем значении государственной промышленности имеет немаловажное значение. Подоходный налог относительно дал бы бесконечно меньшие суммы (не говоря уже о трудности выявления чистой прибыли), а налог на капитал грозил бы переобременить некоторые малодоходные отрасли. Наоборот, уравнительный сбор все же облагает лишь действительно реализованную, хотя и валовую выручку. В этом он сближается с акцизами, для которых также нельзя указать «нормальной» высоты ставки, и мы только опытным путем можем установить допустимый предел в конкретных случаях. Наконец, уравнительный сбор, будучи взимаем на ряду с подоходным обложением торговли и промышленности, облагает валовую прибыль, т.-е., по существу устанавливает как бы обложение нормальных прибылей и дает хороший контрольный материал для подоходного

обложения, — а это особенно существенно в современных условиях неустойчивой коньюнктуры.

В отношении некоторых отраслей торговли и промышленности средняя ставка, конечно, допускает более или менее значительное напряжение (подобно акцизам), напр., в деле обложения предметов роскоши и т. п., как мы видим это и на Западе. Однако, итти слишком далеко в этом направлении довольно опасно, ибо фиск может либо подорвать соответствующие отрасли (напр., у нас многочисленные жалобы на непосильную высоту уравнительного сбора на роскошь, т.-е. в размере с местными надбавками до 24 и свыше % исходят от мелких кустарей, работающих в этих отраслях), либо ошибиться в расчетах о конечном действии подобных налогов: ведь, напр., трудно сказать, не перелагается ли известная доля уравнительного сбора с кондитерских изделий на выпечку простого хлеба в крупных пекарнях, вынужденных по условиям клиентуры заниматься одновременно производством кондитерских товаров.

Возможность и даже обоснованность довольно огульной высоты уравнительного сбора заставляет несколько сдержанно отнестись к декрету от 3 августа 1923 г., который допустил премирование (скидку до 25% уравнительного сбора) для государственных и кооперативных торговых предприятий и частных оборот коих определен по «невозбуждающим сомнения» торговым книгам, в случае увеличения оборота против предыдущего окладного периода. И еще более спорным является система вычета из размеров оборота сумм, уплачиваемых предприятием акциза (постановл. СТО, расп. 31 авг. 1923 г.). Наоборот, вполне целесообразно освобождение от уравсбора хлебоэкспорта (декр. 21 авг. 1923 г.), ибо иначе это было бы равносильно установлению экспортной пошлины.

Ахиллесовой пятой нашего уравнительного сбора является несовершенство учета оборота, особенно в частных предприятиях, и нередко большой произвол в этой области. Отчасти это вызывается существующей у нас системой ежемесячных на-

логовых «заданий», диктуемых из центра, в силу которых губфинотделы обязаны собрать определенный минимум налогов, акцизов и пошлин (см., напр., ежемесячные «задания» в Вестнике Финансов, офиц. отд.), — и успешность работы заведующих губфинотделами нередко определяется именно выполнением подобных «заданий». Так как финансовые органы бессильны в нажиме поступлений по части акцизов и большинства пошлин, то вся сила нажима ведется в сторону «повышения» исчислений оборота или дохода (последнее в подоходном налоге).

Чтобы ослабить перегибание палки в этом направлении, Управление госуд. налогами рядом циркуляров вводит требование нормализации оборота, т.-е. предписывает составлять средние нормы оборота для различных групп и видов предприятий в деле установления сумм оборота. Однако, эта система, смягчая возможность злоупотреблений по части произвольного «нажима», существенно извращает природу уравнительного сбора, как налога на весь действительный торгово-промышленный оборот, иногда послабляя положение для предприятий с высоким против нормы оборотом и ухудшая положение менее удачных в этом отношении предприятий.

В этом смысле устранение «заданий» безусловно необходимо. Если же нормализация оборотов должна стать общим правилом, то, теоретически говоря, мы усиливаем тем самым элемент системы патентного обложения, т. е. на подобие бесконечных западно-европейских «внешних признаков» отнесения к тому или иному разряду. В таком случае, было бы проще из центра предписать установление этих норм, или их утверждение в центре, с тем, что отступление от нормы вверх и вниз допустимо лишь в определенных границах: это гарантировало бы владельцев торгово-промышленных предприятий от произвола и давало бы возможность определенного заранее учета предстоящих платежей. Практически это было бы все же значительным искажением нормального налога на торгово-промышленный оборот, где важен достаточно точный учет действительного оборота.

Только, пожалуй, в области мелкой торговли и промышленности такая система в общем возможна и допустима, тем более, что это разгрузило бы фининспекцию по части более тонкого наблюдения за крупными плательщиками. Хотя в современных наших условиях трудно опираться на правильные показания плательщиков, — и предвзятое отношение органов фиска заставляет самих плательщиков прибегать ко всяческим изворотам,—однако, быть может, предписанное новейшим декретом от 18 сентября 1923 г. ведение заранее регистрируемых торговых книг сможет упорядочить это дело [1]). И прежде всего это требует достаточной правовой защиты для торговли и промышленности, ведущей правильную отчетность (опорочение книг должно считаться допустимым лишь при наличности веских оснований), след., уверенность, что *правильная* отчетность всегда пойдет в защиту плательщика, и известного постоянства в налоговых и т. п. требованиях государства. В последнее время органы фиска совершенно правильно устремили свое внимание на индивидуальный подход [2]) и на поверку оборотов по торговым книгам, и, в частности, производится перекрестная поверка записей в книгах взаимных клиентов.

По предварительным данным общее число предприятий, привлеченных к уравнительному сбору в первом полугодии 1923/4 б. года составило 559.142 предприятия, из коих государственных 11.741 (2,$_1$%), кооперативных — 32.508 (6,$_0$%), частных — 514.893 (91,$_9$%). При этом на долю частных торговых предприятий приходилось 283,619 предприятий (90,88%) и промышленных — 231.274 предприятий (96,$_{35}$%). Общее количество исчисленных для промыслового обложения оборотов составило: для госпредприятий — 755 милл. руб. (25%), для кооперативных предприятий — 287 милл. руб. (9,$_5$%) и для частных предприятий — 1.976 милл. руб. (65,$_5$%), при чем на долю частных торго-

---

1) См. цирк. НКФ, „Вестн. Фин." оф. отд. № 88 за 1923 г.

2) См. м. пр. циркуляры Нал. Упр. РСФСР от 15 февр. 1924 г. („В. Ф." оф. отд. № 17).

вых предприятий приходилось оборота — 1.526 милл. руб. (79%) а на долю частных промышленных — 450 милл. руб. (78%). Общая же сумма уравнительного сбора, исчисленного со всех этих предприятий составила: для государственных предприятий — 8.678 тыс. р. (26,2%), кооперативных 2.606 тыс. руб. (7,9%), и для частных — 21.828 тыс. руб. (65,9%), всего 33.112 тыс. руб. В общем итоге уравнительного сбора частная торговля участвовала в сумме 15.995 тыс. руб. (80,5%), а частная промышленность — 5.833 тыс. руб. (70,1%).

Число государственных предприятий обнаруживает устойчивый рост. Общее число их составляло: в январе — марте 1923 г. — 7.069 предприятий, апреле — июне 1923 г. — 6.650, июле — сентябре 1923 г. — 8.651 предприятие, октябре — марте 1924 г. — 11.741. В общей сумме уравнительного сбора с госпредприятий в 8.678 тыс. руб. на долю государственных торговых предприятий приходится приблизительно 3.356 тыс. руб., а на долю государственных промышленных предприятий — 5.322 тыс. руб.

В отношении распределения торговли на городскую и сельскую (обложенную уравнительным сбором), то обороты первой, по данным 30 губерний за октябрь — июнь 1923 г., составили 88%, а второй — 12% (см. «Вестн. Фин.» № 46 за 1923 г.).

Ряд признаков указывает на сокращение частной торговли и промышленности, даже независимо от прямых мер воздействия на борьбу с частным капиталом. Однако, в падении частной торговли и промышленности едва ли повинен собственно промысловый налог, хотя он гораздо тяжелее ложится на нее, чем на госпредприятия или кооперацию. Есть основание думать, что новейшие льготы в пользу госпредприятий и кооперации дали последним лишь своего рода промышленную ренту, т. е. создали прямую выгоду, но не содействовали понижению цен. И если уже искать причину падения частного предпринимательства в налоговом законодательстве, то скорее приходится искать ее в области подоходно-поимущественного налога высокой арендной платы, квартирного закона, принудительного

размещения выигрышного займа, системы кредита, т. е. в области тех мер, где торгово-промышленный класс поставлен в исключительно невыгодное положение, как последствие классового принципа в налоговой политике и платности коммунальных услуг.

К одной из форм промыслового обложения, в виде усиленного налога на оборот, можно причислить и новый сбор со счетов гостинниц, ресторанов и т. п. предприятий, установленный декретом 15 ноября 1923 г.[1]). Подача счетов постояльцам и посетителям указанными предприятиями, не ниже 4 разряда по платежу промналога, обязательна, и сбор взыскивается по прогрессивной скале. Счета до 5 руб. зол. из'яты, а в дальнейшем ставка возрастает: от 5 до 7 руб. — 6%, от 1 — 10 р. — 7% и т. д., свыше 100 р. — 20%. В целях контроля подлежащие предприятия (гостинницы, рестораны, трактиры с подачей вина, кофейные и кабаре) обязаны ввести особые корешковые книги. Чтобы заинтересовать места в этом сборе, 25% поступлений отчисляются в пользу местного бюджета.

В принципе, подобный сбор целесообразен, хотя принятая прогрессия наростает слишком быстро: в результате, возможны случаи искусственного дробления счетов, хотя это и воспрещено. Опыт покажет, насколько этот сбор имеет шансы на успех и насколько он уживается с высокими государственным и местным сбором и обложением оборота, действующими наряду с ним. Быть может, в этом отношении придется перевести большую часть промналога с этих предприятий именно на этот сбор.

При условии надлежащего согласования с уравсбором, подобный сбор со счетов мог бы целесообразно быть распространен и на некоторые виды торговли предметами роскоши. В данном случае имеется лишь одна опасность, что он косвенно заденет торговлю, так или иначе связанную с торговлей соответ-

---

1) „Вестник Финансов" № 4.

ствующими предметами роскоши (напр., скорняжный промысел дешевых и дорогих мехов). Прогрессия ставок еще не означает, что в отпускных ценах предприятия налог с высших категорий товаров не отражается вовсе или косвенно не задевает и нисшие категории.

Поскольку же этим путем имеется в виду вообще бороться с роскошью, то здесь приходится считаться со старым указанием, что подобного рода налоги заинтересовывают фиск скорее в удержании того зла, против которого они направлены, чем в его искоренении.

б) Подоходно-поимущественный налог, подоходный с гос. и коопер. предприятий и общегражданский налог.

Первоначальной формой денежного личного налога был дважды осуществленный у нас в течение 1922 г. общегражданский налог, сводившийся ко всеобщему подушному налогу со взрослого трудоспособного населения обоего пола с некоторыми градациями ставок. В финансовом отношении он казался весьма продуктивным, ибо дал 10 милл. руб. зол. в менее, чем годичный срок. Несмотря на грубую форму этого обложения (хотя он не хуже налога на соль и некоторые акцизы), его успех отрицаем быть не может, тем более, что его универсальность вызвала усиленный спрос на деньги в широкой массе крестьянского населения и тем содействовала временному упрочению советской валюты.

На смену общегражданскому налогу был введен декретом 16 ноября 1922 г. подоходно-поимущественный налог с проживающих в городах граждан и юридических лиц торгово-промышленного характера, кроме государственных и кооперативных. Для государственных и кооперативных предприятий и смешанных с участием государства обществ декретом 20 июня 1923 года установлен подоходный налог на особых основаниях с максимальной ставкой в 8% с суммы дохода[1]).

---

[1]) См. „Вестн. Фин." № 44 и 50 за 1923 г. и „В. Ф." оф. отд. № 17 за 1924 г.

Декретом 27 июля 1923 г. ставки подоходно-поимущественного налога для частных граждан и юридических лиц переведены на твердое исчисление, причем они прогрессивно возростали приблизительно от 1 до 12% (независимо от налога на имущество в 1½—12 р. с тысячи) при необлагаемом минимуме в 150 р. зол. в полугодие.

Финансовые результаты этого налога за 2-е полугодие 1922/23 бюдж. г. таковы (по 55 губерниям, охватившим подавляющую часть обложения). Число привлеченных к обложению оказалось 474.227 лиц, при чем 94,8% или 449.539 лиц имели доход от 150 до 1.250 черв. руб. в полугодие. Общий доход привлеченных к обложению лиц, составил 561 милл. руб. зол., т. е. в среднем 1.187 руб. зол. на плательщика в полугодие. Доходы выше 4.000 руб. составили всего 7% всей суммы обложенного дохода, а доходы не свыше 1.000 р. составили 68% всех обложенных доходов. Из общей суммы обложенного дохода, доходы от торговли и промышленности составили 92%. Общая сумма исчисленного налога составила 9.455 тыс. руб. зол., однако, действительные поступления должны быть, в виду скидок по жалобам и т. д., значительно меньше. За первое полугодие (октябрь 1922—март 1923 г.) действительное поступление составило всего 5,3 милл. руб. зол. по всей Республике.

Новое положение о подоходно-поимущественном обложении от 12 ноября 1923 г. значительно перестроило его [1]) В своей теперешней форме подоходно-поимущественный налог заменил государственные: трудгужналог, общегражданский и с лиц, получающих высокую заработную плату и местные: квартирный и с лиц, пользующихся домашней прислугой.

Все подлежащие налогу лица делятся на четыре категории: А) получающие доход от личного труда по найму, Б) получающие доход от личного труда не по найму, В) получающие

---

[1]) См. «Вест. Фин.» оф. отд. № 93 за 1923 год и справочник „Подох. поим. налог", сост. Певзнером.

доход от владения промышленными и торговыми предприятиями, строениями, капиталами, от кредитования имущества и других нетрудовых источников; Г) частные акционерные общества и кредитные учреждения. Самое же обложение делится на: а) твердые оклады и б) по совокупности доходов.

К категории А относятся рабочие и служащие с заработком не менее 75 руб. черв. в месяц, при чем при доходе от 75 — 100 р. в месяц они уплачивают твердую ставку 3 р. 60 к., от 100 — 150 — 7 р. 20 к., свыше 150 р. — 15 р. плюс за излишек дохода сверх первых 900 р. (независимо от общего минимума 300 — 500 р. в полугодие, т. е. привлекаются лишь при полугодовом доходе от 1.200 — 1.400 р., в зависимости от района проживания, за вычетом первых 900 руб.) на общих основаниях по совокупности дохода. От поимущественного обложения эта группа свободна.

К категории Б причисляются кустари, лица свободных профессий и т. д. с окладом от 7 р. 20 к. до 18 р. по Москве и Ленинграду и ниже по другим местностям. К категории В отнесены владельцы торговых и промышленных предприятий в зависимости от разряда выбираемого патента, комиссионеры, рантьеры и т. д. которые уплачивают твердую ставку от 7 р. 20 к. до 72 р.

При наличии совокупного дохода свыше 300 — 500 р. (для рабочих и служащих 1.200 — 1400 р.) в полугодие плательщики обязаны подавать декларации и облагаются по особой табели по прогрессивной шкале (твердыми окладами) приблизительно от 3 до 25%, при чем при полугодовом доходе в 8.000 р. оклад составляет 1.250 р. или почти 16%. Твердые оклады засчитываются в счет оклада по совокупности. Юридические лица (группа Г) облагаются по той же прогрессивной шкале, но свободны от поимущественного налога.

Лица, обложенные по совокупности, кроме рабочих и служащих, уплачивают дополнительный налог с имущества, не составляющего предмета их промысла, как то экипажей, лошадей,

предметов роскоши, драгоценностей и проч. (кроме предметов обычной домашней обстановки и домашнего обихода), если это имущество превышает 300 р. черв. на плательщика и каждого члена семьи, с ним проживающего. Местным советам предоставлено право надбавок в размере, установленном на год вперед Совнаркомом СССР (в 1923/4 г. — 25%).

Новая конструкция этого налога значительно совершеннее предыдущей, особенно вследствие введения системы твердых и дополнительных окладов, однако, она не лишена некоторых недостатков. Так, она попрежнему покоится (в порядке инструкции) на системе преимущественно нормативных доходов, т.-е. доходы плательщиков на практике в слишком большой степени устанавливаются по средним нормам, а не столько на принципе проверки деклараций. Далее, вычет долгов и расходов по эксплоатации установлен не полный, напр., для строений сумма расходов по эксплоатации не может превышать 75% валового дохода. Совершенно необоснована и относительно слишком высока шкала обложения для юридических лиц, — в том числе для всех кредитных учреждений, — ибо здесь необходимо было бы установить более умеренную шкалу или допускать вычет первых 3 — 4% на основной капитал, как это принято на западе, или же, облагая юридическое лицо, освобождать доли (дивиденд) участников; иначе, акционерные компании уплачивают налог вдвойне, и уже при доходе в 8.000 р. в полугодие платят почти до 40% от суммы дохода (16% сама компания, столько же акционеры, получающие дивиденд, и плюс 25% надбавка в пользу местного бюджета), а между тем именно акционерная форма, как допускающая широкую публичность, особенно желательна в наших современных условиях. В четвертых, при системе твердых окладов минимум, свободный от обложения по совокупности дохода, мог бы быть поднят к прямой выгоде контролирования высших категорий дохода. Наконец, существующий способ дополнительного поимущественного обложения мало обоснован, и для нормального поимущественного налога вообще у нас нет

в данное время необходимых предпосылок; в этой части обложение даже довольно произвольно.

Можно, пожалуй, считать несколько преувеличенной и самую шкалу обложения, ибо на первых порах, когда органы фиска еще не достаточно подготовлены к столь сложной и хрупкой системе, как общеподоходный налог, а плательщики не достигли того уровня гражданского сознания и общественного воспитания, который мог бы обеспечить большую или меньшую надежность деклараций (а это по отзыву одного из крупнейших знатоков вопроса, проф. Селигмана, кондитио сине ква нон), необходимы умеренные ставки: в этом случае население не имеет основания пассивно сопротивляться обложению и не видит выгоды рисковать по части штрафов за неправильные декларации. Между тем, у нас подоходный налог взимается наряду с весьма высоким промысловым налогом, гербовым сбором и за последнее время обязательной подпиской на заем, и местным целевым сбором на квартирное строительство, [1]) что значительно увеличивает общее бремя обложения даже на весьма небольших ступенях дохода.

Для сравнения можно привести ставки подоходного налога в Англии, где нет промыслового обложения или дополнительных местных надбавок к государственному окладу или двойного обложения акционерных компаний. Там, доход в 800 фунт. стерлингов обложен (тариф 1920/1 г.) в размере 15 — 20% (в зависимости от того, семейный ли плательщик, имеется ли фундированный, т. е. происходящий от владения капиталом, источник, и т. д.); ставка в 25% наступает при доходе в 1600—2.800 фунт. ст.; максимальная ставка — 58% при доходе 200.000 фунт. ст. Кроме того, для доходов свыше 2.000 ф. ст. существует дополнительный прогрессивный подоходный налог, который доводит прогрессию до 58% уже при доходе в 150.000 ф. ст. Поступления колоссальны — 394 милл. фунтов ст. в 1920/1 г.,

---

[1]) См. декрет о нем в Изв. ВЦИК № 111 от 27 мая 1924 г.

при чем 10.000 наиболее состоятельных плательщиков уплачивают около 37% всей суммы поступлений, 103.000 плательщиков с доходом от 2.000 до 10.000 фунт. ст. каждый уплачивают 32%, а остальные 3.810.000 плательщиков с доходом менее 2.000 ф. ст. каждый, уплачивают остальные 31% поступлений. Столь высокое обложение высших доходов в Англии имеет и теневые стороны, ибо влечет в известной степени уход капиталов за границу (благодаря чему усиливается безработица и т. д.).

Этот контраст, а, следовательно, и перспектива поступлений от подоходного налога у нас, по сравнению с Англией, становится совершенно ясным хотя бы из того, что там насчитывается около 90.000 плательщиков, имеющих каждый свыше 2.000 ф. ст. (17.000 руб. зол.) ежегодного дохода и уплачивающих в год 224 милл. ф. ст. подоходного налога, тогда как у нас число плательщиков с доходом в 16.000 руб. черв. и свыше насчитывается на весь Союз, при втрое большем населении, всего 1.400 человек.

Предварительные данные о результатах подоходно-поимущественного налога за первое полугодие 1923/4 б. года показывают, что общее число плательщиков из среды буржуазии по СССР составляет приблизительно 515.000 человек, а совокупная сумма их доходов около 900 милл. руб., т. е. около 1.750 руб. в год на одного плательщика. Считая сумму общего национального дохода в настоящее время около 7.500 милл. руб. в год, доход нашей буржуазии составляет около 12%. Общее число населения буржуазии с семьями в СССР составляет около 2½ милл. человек, т. е. на душу своего населения русская буржуазия имеет доход в среднем около 360 руб. зол. в год. При значительном нажиме, какой был произведен органами фиска в последнее время в деле выявления об'ектов подоходного обложения, эти незначительные цифры не могут почитаться результатом недообложения. Это тем более, что довоенные подсчеты министерства финансов на территории всей бывш. российской империи исчисляли общее число лиц с ежегодным доходом свыше

1.000 руб. (включая лиц, получающих жалованье свыше этой суммы) менее 700.000 человек.

Все это ставит продуктивности нашего подоходно-поимущественного налога весьма узкие пределы.

в) Единый сельско-хозяйственный налог 1923—24 г. и реформа 1924 г.

На смену продразверстки, когда крестьянство сдавало в казну все свои излишки над необходимым минимумом потребления, явился продналог, который, хотя и дал крестьянству возможность свободно распоряжаться излишками, за уплатой налога, однако, страдал множественностью: он сводился к 13 отдельным налогам, которые взимались 18 различными продуктами, в том числе столь неудобными ко взиманию, как сеном, картофелем и мясом. Издержки взимания были чрезвычайно высоки, доходя, по некоторым подсчетам, до 40% валового сбора.

Декретом 10 мая 1923 г. установлен единый сельско-хозяйственный налог на 1923—24 г. Он заменил все остальные прямые налоги с крестьян. Размер налога устанавливался в ржаных (а в пшеничных районах, — в пшеничных) единицах, и для ряда губерний предполагался платеж налога натурой, но плательщикам предоставлено было право оплачивать налог деньгами по определенным эквивалентам. При установлении размеров налога учитывалось: количество пашни и сенокоса (в переводе последнего на пашню), количество едоков в хозяйстве, количество в хозяйстве взрослого рабочего и взрослого крупного рогатого скота, урожайность хлебов и трав на десятину. Все эти признаки скомбинированы в особой таблице так, что с увеличением урожайности (а разряды этой урожайности ежегодно устанавливаются Совнаркомом для губерний, последними устанавливаются для уездов, которые в свою очередь устанавливают эти разряды по волостям, а в особых случаях и для селений) возрастает ставка на десятину, при чем, чем более обеспечено

хозяйство пашней на едока и скотом на хозяйство, тем прогрессивно выше ставка налога. Так, напр., если в данной области урожайность установлена по 4 разряду, т. е. от 35—40 пуд. с десятины, то хозяйство, имеющее 1/4 десятины на едока, платит с каждой десятины при 2-х штуках скота 1 пуд 05 фунт. и при 3—4 штуках скота 1 пуд 35 фунт., а хозяйство, имеющее свыше 3 десятин на едока, — 9 пуд. 10 фун. и 10 пудов с десятины соответственно.

От с.-х. налога освобождаются площади, занятые посевом семян, хлопка, опытных станций и некотор. др. Освобождаются от налога или получают льготы хозяйства, мало обеспеченные землей, семьи красноармейцев и друг.

В пользу местного бюджета от единого с.-х. налога обращаются отчисления в размере, ежегодно устанавливаемом Совнаркомом СССР.

Система сельхозналога 1923 — 24 г. представляла собой значительный шаг вперед по сравнению с продналогом или продразверсткой. Однако, она имела тот недостаток, что в слишком большой степени отдавала дань прежним натурально-хозяйственным отношениям и слишком огульно-механично комбинировала признаки: обеспеченность скотом резко повышает обложение каждой десятины; раздробленные хозяйства, хотя бы в них имелась возможность подсобных или сторонних заработков имели большую скидку; землеобеспеченность на 1 едока, хотя бы фактическая продукция в данное время не могла быть развита (в степных губерниях Юга, Сибири), в сильнейшей степени повышала прогрессию обложения каждой десятины и т. д.

Между тем, платежеспособность крестьянства не определяется только землеобеспеченностью: при продналоге, когда платить нужно только натурой, это обстоятельство могло иметь решающее значение, но теперь имелся в виду переход на денежный платеж. К сожалению, этот переход не был осуществлен сразу и решительно.

Жизнь показала, что глубоко правы были те, которые категорически высказывались в этом смысле, и пример истории убедительно свидетельствует, что натуральная форма взимания всегда бесконечно тяжелее для населения и вызывает громадные издержки по сбору.

Получив право вносить сельхозналог деньгами, наше крестьянство сразу же использовало эту возможность, хотя неустойчивая валюта и отсутствие правильно организованного рынка и состояние транспорта крайне затрудняли денежный платеж. Из всей суммы сельхозналога в 395 милл. пуд. в кампанию 1923—24 г. на 1 января 1924 г., по предварительным сведениям, поступило: деньгами 224 милл. пуд. или 57%, хлебным займом, т. е. также деньгами, 71 милл. пуд. или 18%, а натурой всего 100 милл. пуд. или 25%, (при чем только Юго-Восток дал высокий процент, именно, 47% поступлений натурой).

По существу же, система обложения крестьянства требовала дальнейшей реформы. Так как практически на нашей громадной территории в ближайшие годы невозможно осуществление мало-мальски сносного кадастра поземельного обложения, ни тем более обложение по действительному доходу, то речь может итти только о выборе достаточно удачных внешних признаков налогоспособности, которые и должны быть приняты за основу при построении более или менее рациональной системы крестьянского обложения в современных условиях.

Такими внешними показателями могут быть [1]): площадь земли, количество скота, количество взрослого трудоспособного населения, обеспеченность постройками, наличность специальных промысловых или кустарных занятий. Поэтому я мыслю себе следующую систему реформированного сельхозналога.

Для каждой губернии должна в законодательном порядке быть установлена средняя подесятинная ставка поземельного

---

[1]) См. мою статью в № 11 „Вестн. Фин." 1923 г.

обложения, исходя из средней урожайности, землеобеспеченности и проч. данных о с.-х. продукции. Губисполкомы должны для каждого уезда назначить свою ставку (повысив или понизив против губернской ставки) с тем, чтобы в общем получалась сумма, соответствующая средней погубернской ставке, помноженной на число подлежащих налогу десятин. Затем уисполкомам должно быть дано право назначить для каждой волости (в особых случаях и поселенно) различную ставку с таким уклонением вверх и вниз (в известных пределах) против средней поуездной, чтобы в совокупности обложение в пределах всего уезда соответствовало средней поуездной ставке, помноженной на совокупное число десятин облагаемой земли во всех волостях уезда.

При этом нет нужды вводить особые дальнейшие поправки на урожайность, землеобеспеченность и т. п., ибо волостная ставка при этой системе уже учтет индивидуальные условия каждой волости. Вместе с тем, при широко произведенном революцией передельно-уравнительном землепользовании, в пределах волости резкие случаи неравномерного наделения землей не имеют места, и всякая прогрессия ставок, вообще лишенная оправдания в поземельном обложении, должна отпасть. Равным образом, учет «едоков», что само по себе служило источником злоупотреблений и, часто, малоцелесообразных из'ятий, становится излишним, потому что общая землеобеспеченность (и, что гораздо важнее, средняя доходоспособность и платежеспособность каждой десятины) наперед учитывается в волостных ставках.

Другим признаком, который должен быть принят во внимание, является наличность скота. Назначенная законодателем погубернская ставка перераспределяется по уездам, в зависимости от значения скотоводства в них, а уездами для каждой волости назначается различная ставка на штуку скота.

Третьим признаком должна быть учтена рабочая сила трудоспособного населения. Вопрос идет вовсе не о том, чтобы облагать каждую «душу», а необходимо в районах

с промысловыми заработками и достаточно широкими подсобными возможностями (сбор лекарственных растений, пушной промысел, птицеводство и т. п.) делать известную надбавку на каждого трудоспособного, напр., от нескольких рублей до нескольких копеек на душу в зависимости от возможностей, района, губернии, уезда или волости, при чем законодателем назначается погубернская ставка, которая затем варьируется уездами по волостям в известных пределах вверх или вниз против среднего губернского оклада.

В дополнение представлялось бы целесообразным на аналогичных основаниях установить среднюю ставку на каждое хозяйство, в зависимости от трех разрядов строений (лучший, средний и нисший), при чем для многосемейных надлежало бы делать скидку или полное из‘ятие.

Наконец, в некоторых высокопромысловых районах возможны особые надбавки к общим окладам.

Ставки по всем вышеуказанным признакам подлежали бы суммированию и занесению в один окладной лист каждого плательщика-домохозяина.

Подобная система представлялась бы и более простой, ясной, понятной и, главное, равномерной. Между тем, нынешняя система сельхозналога от 1923—4 г. была слишком сложна, допускала злоупотребления, неравномерна, особенно, если ее взять по отдельным районам [1]), и даже содействовала, повидимому, дальнейшему дроблению крестьянских хозяйств.

Декретом 11 декабря 1923 г. прием натуры по с.-х. налогу прекращен с 1 января 1924 г., и все функции по сбору этого

[1]) По данным Центроналога, если принять за 100 средний оклад сельхозналога 1923 г. на одного едока по всей РСФСР (с Белоруссией), то по следующим районам оклад на едока составил: по Северному 33,3; Моск. губ. 33,3, Приозерн. — 51,9, Центр.-земл.— 128; Средне-Волжск. 115,0; Крым — 254,0, Дон и Предкавказье — 261,0. Колебания оклада на одно хозяйство при 100 для РСФСР были: Северный район — 31,3, Моск. губ. 37,0 Приозерн. — 31,8, Центр.-земл.— 131,7, Средне-Волжск. — 116,9, Крым — 232,7 Дон и Предкавказье 261,6.

налога перешли к финансовым органам, которым передан налоговый аппарат продовольственных органов.

Уже одно это последнее обстоятельство требовало коренной реформы системы сельхозналога, ибо прежде всего надлежало устранить все те придатки, которые были свойственны натуральной форме обложения. Это и было проведено декретом 30 апреля 1924 г. [1]).

Обложению единым с.-х. налогом подлежит занимающееся сельским хозяйством население, а также коллективные и советские хозяйства; плательщики не подлежат другим налогам и сборам, кроме надбавки к нему на местные нужды. Налог исчисляется в золотых рублях и взимается деньгами с каждого отдельного хозяйства по количеству находящейся в его пользовании или аренде земли, а также по количеству рабочего и крупного рогатого скота. За единицу обложения принимается десятина пашни, а скот и сенокосы приравниваются по особым коэффициентам определенному количеству пашни. Сумма налога по каждому хозяйству определяется по количеству имеющихся у него облагаемых земли и скота, выраженных в десятинах пашни, в зависимости от количества едоков в хозяйстве. Ставки налога на данный окладной год устанавливаются по районам, в зависимости от урожая текущего года и состояния сельского хозяйства, на основании чего данный район относится к тому или иному разряду по обложению. Особые таблицы, приложенные к декрету, указывают ставки, по трем разрядам по каждому району, в зависимости от приходящегося на едока количества облагаемой земли и скота, выраженных в десятинах пашни. Отнесение республик, областей и губерний к тому или иному разряду по обложению производится после выявления урожая и коньюнктуры сельского хозяйства не позднее 15 августа совнаркомами союзных республик и утверждается совнаркомом Союза. Губисполкомы могут применять для отдель-

---

[1]) См. «Вестн. Фин.», офиц. отд., №№ 38 и 55 и инструкцию № 53, а также сборник: НКФ. Единый с-х. налог 1924/5 г.

ных уездов и волостей (а уисполкомы — для отдельных селений при особо пестром урожае) и другие из установленных таблицами ставок, при условии, чтобы общая сумма налога по губернии, исчисленная по нормальной ставке, не сменялась.

Порядок исчисления налога можно иллюстрировать на примере хозяйства Калужской губернии, если оно имеет 6 едоков, 5 дес. пахотной земли, 1 дес. заливного сенокоса, 1 дес. незаливного сенокоса, 2 лошадей и 1 корову. Общее количество десятин земли будет принято равным 9,15 дес., ибо 1 дес. заливного сенокоса принимается равной 0,75 дес. пашни, а 2 дес. незаливного сенокоса — 1 дес.; 2 лошади приравниваются 1,6 дес., 1 корова — 0,8 дес. Если для данной губернии в текущем году (к 15 августа) будет назначен 5 разряд по обложению, то налог составит: а) по первой ставке в 1 р. 30 к. будут обложены первые полдесятины на едока, итого 3 р. 90 к.; по второй ставке в 4 р. 10 к. — вторые полдесятины на едока, итого 12 р. 30 к., по третьей ставке в 5 р. 90 к. — весь излишек (3,15 дес.), итого 18 р. 59 к., всего 34 р. 79 к.

Для беднейших крестьянских хозяйств, как-то не имеющих вовсе скота и не более $^3/_4$ дес. на едока и т. п., установлено полное освобождение или скидка, а равно могут быть установлены особые скидки в пределах не свыше $6^1/_2\%$ всего контингента налога для данной республики, области или губернии. Кроме того, установлены широкие льготы для семей лиц служащих в красной армии, инвалидов, учащихся, крестьянских комитетов взаимопомощи, учебно-наблюдательных общественных посевов, школ, членов обществ с.-х. кредита, для пострадавших от стихийных бедствий, культурных насаждений, мелиорированных площадей, племенных животных, для переселенцев, коллективных и кооперативных хозяйств и земель общественного фонда.

Общая сумма с.-х. налога по Союзу в 1924—25 г., — в предположении урожая по среднему (V) разряду, — должна составить 470 милл. руб., а за вычетом скидок — 364 милл. руб., из них в пользу местного бюджета должно отчислиться 106 милл. руб.

Новая система с.-х. налога, без сомнения, представляет значительный шаг вперед, ибо она ввела детально разработанные по каждому району ставки (свыше 700 основных ставок по одной РСФСР). Однако, приходится опасаться крайней технической сложности системы пересчетов, учета едоков на десятину и массы арифметических действий по каждому окладу. По существу, это не приводит к большей индивидуализации обложения, которая вообще мало мыслима без детального кадастра (а такой кадастр — дело отдаленного будущего), и, как мне кажется, значительное упрощение системы на указанных выше основаниях дало бы, вероятно, не худшие результаты.

Правда, составители нового положения о с.-х. налоге не могли сразу порвать со сложившимися условиями предшествующей системы, отчасти приходилось принимать компромиссные решения, отчасти преобладало стремление наиболее тонкого учета, в системе ставок и градаций, налогоспособности крестьянского населения каждого района. Однако, исторический опыт учит, что точный учет в этом деле практически невозможен, а несколько более грубый и технически более простой подход дает отнюдь не худшие результаты.

Тем не менее, новая система с.-х. налога представляет несомненный шаг вперед, и ей предшествовала большая научно-статистическая работа.

На особых основаниях взыскивается с.-х. налог в районах кочевого скотоводства и с безземельных скотовладельцев.

г) Рентный налог.

Декретом 12 ноября 1923 г. установлено «взимание ренты» с земель: а) находящихся в черте городских поселений и б) на территории, предоставленной транспорту [1]).

---

[1]) См. Вестн. Фин., офиц. отд. № 98 за 1923 г. и № 58 за 1924 г. и Бюллетени Центр. Оцен. Комисс. СССР.

Со всех городских земель, как застроенных, так и незастроенных, взимается так наз. «основная рента», которая поступает в общегосударственный доход. Сверх того, «в мере различия доходности участков, в зависимости от местоположения и других условий», взимается «дополнительная рента», которая обращается в местные бюджетные рессурсы данного города (или Наркомпути с земель, предоставленных транспорту).

Ставки (посаженные оклады) основной ренты устанавливаются по городам в законодательном порядке на основании данных, собираемых Центральной Оценочной (по этому налогу) комиссией «по соображению с размером чистой средней доходности прилегающих к городу (или железной дороге) земель с.-х. пользования, с размером арендной платы, взимаемой за эти земли, и с другими экономическими моментами».

Ставки дополнительной ренты устанавливаются губисполкомами и горсоветами в пределах, установленных в порядке общесоюзного законодательства, по частям города (кварталам и улицам) и по способам использования земельных участков и устройству и назначению сооруженных на них зданий по соображениям со средней доходностью и сравнительной арендной платой.

Предположительно, ко взиманию рентного налога может быть приступлено лишь в середине 1924 г. Установление ставок основной ренты, повидимому, не вызовет серьезных затруднений, хотя имеющиеся статистические данные, необходимые для этого, недостаточны. Поэтому нужна сугубая осторожность в деле установления размеров этих ставок, тем более, что налогоспособность городского населения очень невысока: правильнее всего, особенно на первых порах, придерживаться столь низких окладов, чтобы заранее зафиксировать более или менее умеренную общую сумму возможных поступлений [1]).

---

[1]) Ставки основной ренты ныне утверждены см. ЦИК от 26/27 авг. 1924 г., при чем для Москвы — 3 коп., Ленинграда 1,8 коп., Тулы 1,2 коп., Рязани 1 коп. с кв. саж. и т. д.

Гораздо сложнее обстоит дело с дополнительной рентой, и приходится опасаться, что местные власти проявят чрезмерную настойчивость в сугубом напряжении этого трудно учитываемого в современных условиях источника. Здесь нужна тем большая осторожность. Вот почему наиболее правильным методом было бы фиксирование максимальной суммы той «дополнительной ренты», которая могла бы быть извлечена каждым городом по крайней мере в первые годы действия этого налога. Для этой цели было бы целесообразно сверху фиксировать максимум той средней надбавки, которую по разным категориям городов (в зависимости от административного и торгового значения и плотности заселения), могла бы быть установлена, напр. начиная от 25% для мелких поселений городского типа до примерно 500% для столиц против ставки основной ренты. В результате, город, для которого допущена, напр., 200% надбавка, пользовался бы правом для отдельных районов, кварталов и улиц устанавливать различные ставки с тем, чтобы общая сумма контингента никоим образом не превысила 200% оклада основной ренты. Такой подход целесообразнее, чем весьма проблематичные предписанные декретом «пределы» «от и до», утверждаемые центром. На практике мы видим, как отмечает и «бюллетень» Ц. О. К., места старались преуменьшить ставку основной ренты, чтобы выиграть на дифференциальной. Поэтому высоту одной надо ставить в зависимость от высоты другой

По подсчетам ЦСУ, основанным на данных городской переписи 1923 г., общая площадь владений по 1985 городам составляет около 800 милл. кв. саженей. Осторожность требовала бы принять среднюю по Республике основную ренту не свыше 0,6 коп. с кв. сажени и в удвоенном размере среднюю ставку дополнительной ренты, т.-е. в сумме 5 милл. руб. основной ренты и 10 милл. руб. дополнительной.

Главное же затруднение заключается в том, что установление рентного налога требует соответствующего изменения закона о квартирной плате. Последняя устанавливается, по дей-

ствующим законоположениям, сообразно занимаемой площади и классовой принадлежности плательщика и сумме заработка рабочих и служащих. Элемент ренты не учитывается вовсе, и таковая остается в карманах тех, которые проживают в наиболее благоустроенных, центральных или пользующихся наибольшей популярностью или спросом кварталах. Кроме того, приходится считаться с фактом, что в силу квартирного кризиса, свободный выбор места жительства вообще исключен.

Поэтому, очевидно, сумма причитающегося с владения рентного налога должна взиматься сверх сумм, которые по действующим правилам могут домоуправлениями браться в виде квартирной платы. При этом было бы крайне проблематично и теоретически неправильно вводить вариацию для дополнительной ренты в зависимости от способа конкретного использования участка (напр. разные и слишком дробные ставки в пределах однородных улиц или частей квартала), а нужно было бы исходить, собственно, из учета средне-нормальной ценности квадратной сажени земли в отдельных частях города (именно эта ценность и отражает действительный размер ренты). Поскольку же для тех или иных слабо или мало рационально застроенных участков оплата соответствующей ставки оказалась бы непосильной, надлежало бы принять за правило, что сумма основного и дополнительного рентного налога не должна бы превосходить, допустим, 10—20 процентов суммы годовой квартирной платы, взимаемой домовладением в целом; разверстку же назначенного оклада в пределах домовладения надлежало бы производить сообразно площади, занимаемой каждым жильцом, т.-е. по принципу оплаты той ренты, которую каждый из них в настоящее время, при ныне действующем законе о квартирной плате, оставляет у себя в кармане, безотносительно ко льготам собственно квартирной платы (ср. мою статью о платности коммунальных услуг в «Вест. Фин.» № 43 за 1923 г.).

Циркулярным раз'яснением Госналога установлено, что губисполкомы в праве при тарификации дополнительной ренты производить дифференциацию ставок по классовому принципу в зависимости от имущественного и социального положения плательщиков, лишь бы размеры ставок не выходили за пределы установленных норм Центр. Оценочн. Комиссии. («В. Ф.» № 41 за 1924 г.).

д) Гербовый сбор и т. п. пошлины.

Первоначальный устав о гербовом сборе от 16 февраля 1922 г. ныне заменен новым от 17 августа 1923 г., вступившим в силу с 1 января 1924 г. [1]).

Гербовый сбор разделяется на простой и пропорциональный. Простой гербовый сбор устанавливается четырех разрядов, именно: 1 руб. 65 коп., 1 руб., 15 коп. и 6 коп. червонцах. Пропорциональный — устанавливается трех разрядов в $^1/_2$%, $^1/_4$% и $^1/_1$% с суммы документа или в виде усиленных, именно, двойных окладов тех же разрядов или в виде так наз. пониженного оклада 1 разряда в размере 0,15% с суммы документа. По документам, облагаемым пропорциональным гербсбором, подлежащий оплате сбор не может быть ниже простого гербового сбора IV разряда.

Уплата сбора производится посредством гербовой бумаги или гербовых марок или наличными деньгами в установленных кассах.

Подлежащие гербсбору документы, торговые книги и делопроизводство должны храниться в течение 3 лет и пред'являться по первому требованию ревизоров. Простым гербовым сбором оплачиваются документы согласно табели, например: письмен-

---

[1]) «Вестн. Финансов», офиц. отд. № 99. Подробный перечень бумаг актов и документов, подлежащих гербсбору и из'ятых от него опубликован в № 19 Вестн. Фин. 1924 г. Превосходный обзор по новому уставу о гербсборе дал С. Н. Георгиевский. Полный справочник по герб. обложению, 2 изд. 1924 г. Прекрасный комментарий издан М. Ф. Суперанским, 1924 г.

ные обращения в правительственные учреждения или ответы на таковые — II разряд (т. е. 1 руб.); обращения по делам об учреждении акционерных компаний и товариществ — I (т. е. 1 руб. 65 коп.); доверенности на управление имуществом и по торговым делам — I, прочие II; заборные книжки — III; расписки (в том числе на самых договорах, что является нововведением по сравнению с прежним законодательством) и счета по письменным сделкам — IV и т. д.

Пропорциональным гербсбором оплачиваются: договоры и обязательства и т. п. документы по установлению, переходу, пользованию и распоряжению имуществом, о товариществе, личном найме, подрядах — I разряд (т. е. $^1/_2{}^0/_0$) и в усиленном, т. е. двойном размере, в случаях: дарений, продажи строений, передачи торговых и промышленных предприятий, учреждения товариществ, о комиссии, акции, паи и облигации; векселя и всякого рода заемные письма — II, т. е. $^1/_4{}^0/_0$, абонементные билеты — III, запродажные записи — III, счета, расписки и т. п., выдаваемые по словесным сделкам и являющиеся доказательством сделки, — III и т. д. Торговые сделки, кроме биржевых, договоры о страховании, частных перевозках, запродаже строений и передаточные надписи о передаче прав по обложенным двойным окладом документам — в двойном размере III разряда, т. е. 0,2$^0/_0$ с суммы. Договоры о застройке, восстановлении разрушенных или неоконченных строений и об аренде земли в целях мелиорации — пониженным окладом I разряда, т. е. 0,15$^0/_0$. Копии оплачиваются: подлежащие твердому окладу — наравне с подлинником, а подлежащие пропорциональному сбору — в размере $^1/_{10}$ сбора с подлинника.

Свободны от гербсбора: правительственные учреждения, свободные от промналога государственные и коммунальные предприятия, организации коммунистической партии и комсомола, ВЦСПС и об'единяемые им союзы, ученые и культурно-просветительные учреждения, лица на социальном обеспечении, безработные, получающие пособие, лица, за коими судом признано

право бедности. Документы, не подлежащие гербовому сбору: подлежащие простому гербсбору IV разряда на сумму не свыше 3 руб., документы по делам опеки, о пожертвованиях, уголовным, по воинской повинности, по делам народного образования, землеустройства, мелиораций, коммунальных ломбардов по выдаче ссуд рабочим и служащим, квитанции и расписки по заработной плате; делопроизводство государственных сберегательных касс, документы по простому и условному текущему счету в Госбанке, чеки; документы по обязательному страхованию и почтовых отправлений и заявления в Госбанк и Госстрах по их операциям; доверенности на получение жалованья и почтовой корреспонденции, документы, облагаемые консульским сбором, обращения в посольства, миссии и консульства СССР и некоторые другие.

Рассматривая нынешний гербовый сбор в целом, необходимо признать, что он довольно высок, тем более, что он охватывает значительную часть оборота. Его слабая сторона— сложность и дробность ставок, особенно в области пропорционального сбора, в котором введены усложняющие дело удвоенные оклады. Главное достоинство всякого гербового сбора— простота и ясность, поэтому, например, едва ли имело основание создавать для застроечных договоров особую ставку в 0,15%, и можно было бы допустить ставку в 0,1%. Обложение торговых сделок (в виде счетов по словесным сделкам) в размере 0,2% с суммы осложняет гербсбор и представляется высоким (наряду с уравсбором), тем более, что счета по неторговым словесным сделкам обложены в 0,1%; в данном случае высота сбора может повлечь за собой сокращение числа таких счетов и переход расчета на наличные без выдачи документов.

Высота гербсбора усугубляется дополнительными нотариальными и в местный доход сборами.

Первоначально была допущена оплата гербсбора почтовыми марками, но затем это было воспрещено в целях лучшего учета как почтового, так и гербового доходов. Однако, в инте-

ресах публики, а, следовательно, и в целях более исправного платежа, желательно облегчение всех формальностей и возможное однообразие в знаках оплаты вообще. Поэтому, желательно восстановление права оплаты гербсбора почтовыми марками, хотя бы до 2 руб. зол.; а расчет доли почтового дохода можно, по английскому образцу, производить чисто статистически (по количеству корреспонденции). Казенный доход и население выиграют, а делу точного учета отдельных видов госдохода мы в настоящее время придаем сплошь и рядом чрезмерное значение (даже в ущерб, пожалуй, бухгалтерской отчетности).

Из других пошлин приходится отметить канцелярский сбор за изготовление бумаг по желанию и ходатайству заинтересованных лиц (5 коп. зол. за каждую полную или неполную страницу), консульские сборы (заменяющие в большинстве случаев гербовый и нотариальный сборы, а потому взимаемые в усиленном против нормального гербового сбора размере), нотариальные сборы [1]) и пошлины за действия судебных исполнителей [2]), пошлины арбитражных комиссий [3]), 2% лицензионный сбор за разрешение экспортно-импортных операций, производимых частными лицами или предприятиями (но от него свободны операции госорганов и кооперации [4]), судебные пошлины [5]), портовые сборы, пробирные сборы [6]), с заграничных паспортов, подесятинный сбор с горных отводов [7]), за регистрацию акционерных обществ и товариществ, цензурный сбор и другие [8]).

---

1) «Вестн. Фин.» № 38/39, прил. 2 за 1923 г.

2) «Вестн. Фин.» офиц. отд. № 85 (прил. к № 44) за 1923 г.

3) «Вестн. Фин.» офиц. отд. № 103, 1923 г.

4) «Вестн. Фин.» № 34, пр. 2, 1923 г.

5) «Вестн. Фин.» офиц. отд. № 17 за 1924 г.

6) «Вестн. Фин.» офиц. отд. № 3, 1924 г.

7) «Вестн. Фин.» офиц. отд. № 54 за 1924 г.

8) См. там же инструкцию по применению новой классификации госуд. доходов, где указаны даты соответств. узаконений.

е) Наследственные пошлины.

Декретом от 11 ноября 1922 г. с 1 января 1923 г. установлено взимание пошлин с наследств [1]).

Наследование, допускаемое нашим гражданским кодексом, как по закону, так и по завещанию, ограничивается прямыми нисходящими (детьми, внуками и правнуками) и пережившим супругом умершего, а также нетрудоспособными и неимущими лицами, фактически находившимися на полном иждивении умершего не менее одного года до смерти. Если общая стоимость наследства (за вычетом документально подтвержденных долгов и т. п.) превышает 10.000 зол. руб., то весь излишек переходит к государству; к государству может перейти наследство и по завещанию; к государству же переходит доля отказавшегося от наследства наследника; наконец, к государству переходят и все выморочные имущества.

О каждом случае смерти, если после умершего осталась наследственная масса стоимостью приблизительно не ниже 1.000 р. зол. (кроме обычной домашней обстановки, построек и сельско-хозяйственного инвентаря, как принадлежности трудового земледельческого двора), домоуправления или сельсоветы должны в 2-х недельный срок сообщить в местный Губфинотдел Наследники обязаны в месячный срок со дня принятия наследства представить в Губфинотдел сведения о составе и ценности наследственного имущества. Губфинотдел определяет сумму наследственной пошлины и составленный расчет об'являет наследникам, которые вносят пошлину в двухнедельный срок или должны обжаловать в тот же срок. Возражения наследников, которые признаны Губфинотделом неподлежащими удовлетворению, разрешаются Народным Судом. Последний разрешает также спор в случае, если между наследниками и губфинотделом не состоится соглашения о внесудебном разделе с целью выделения доли, причитающейся государству (свыше 10.000 р.).

---

[1]) См. инструкцию «Вестн. Фин.» № 31 прил. 1, № 35 прил. 1 и № 84 офиц. отд. за 1923 г.

Для явки наследников и кредиторов наследодателя полагается 3-х месячный срок со времени принятия охранительных мер или принятия к производству губфинотделом дела о наследстве и 3-х месячный срок для заявления присутствующих на месте наследников об отказе; после этих сроков наследство признается выморочным и переходит к государству.

Наследственная пошлина взыскивается с каждой доли, достающейся отдельному наследнику, самостоятельно, при чем доли ниже 1000 р. зол. свободны; от 1000 р. до 3000 р.—1%; от 3000 до 6000 р. — 2%; от 6000 до 10.000 р. — 4%. При наследственной доле свыше 10.000 руб. зол. (что может иметь место лишь в отношении арендных, концессионных, застроечных и т. п. договоров с государством) ставка пошлины возрастает на 4% с каждыми 10.000 руб. при максимуме в 50%, т. е. составляет, напр. при 70.000 руб.—11.200 р.; при 160.000 р.—54.400 руб.; при 239.200 руб. — 50% и выше остается 50%. В пользу местного бюджета отчисляется 50% всех поступлений от наследственных пошлин по каждой губернии.

Несмотря на высокие ставки и общее ограничение наследственного права только в пользу нисходящих и лишь в пределах 10.000 руб., наследственный налог не может в настоящее время дать в наших условиях сколько нибудь крупных поступлений ввиду отсутствия у нас значительных и достаточно видимых состояний и неизбежных утаек (хотя последние караются в уголовном порядке по ст. 79 Угол. Код.) или отчуждений при жизни. Общая сумма поступлений составила всего 21 тыс. руб. за 8 месяцев 192$^{3}/_{4}$ б. г.

Самая форма наследственного налога, разработанная и внесенная комиссариатом юстиции одновременно с проектом гражданского кодекса, представляется также мало целесообразной: облагаются отдельные доли наследников (по французской системе), а не вся наследственная масса (по английской системе). Если принять во внимание, что в равных долях призываются по закону, в силу Гражданского Кодекса, все

нисходящие (дети, внуки, правнуки), супруг и иждивенцы наследодателя, то обычно получается значительное дробление, а потому происходит полное из‘ятие от пошлины или пониженная ставка. Из нашего довоенного опыта и опыта Запада известно, что 80—85% всех наследств переходят именно к нисходящим. Принятая у нас система неблагоприятно влияет и в смысле срока, в течение которого призываются наследники (опека над малолетними и т. д.), и размер ставки не может быть определен до явки всех наследников.

С другой же стороны, представляется целесообразным понизить ставку для арендных, концессионных и застроечных договоров (особенно для последних), и дать льготу свыше 10.000 максимума гос. % бумагам, вкладам и т. п. полезным накоплениям.

Опыт Запада показывает, что даже весьма высокая ставка наследственного налога, как например, в Англии, где она для наследственной массы доходит до 40% (не считая дополнительных ставок при переходе наследства в боковые линии), не влечет за собою значительных утаек или сокрытия имущества при жизни (люди держат движимые ценности, главным образом, в банках и банковских сейфах), но установленный у нас абсолютный предел в 10.000 руб. несомненно должен сокращать банковские вклады, именные акции, хранение в сейфах и т. п., вследствие чего поступления от наследственных пошлин должны искусственно сокращаться.

Впрочем, и до войны в Российской империи наследственные пошлины давали ничтожные суммы от 5 до 13 милл. руб. в год, при чем главная масса могущих иметь место в настоящее время видов наследственного имущества давала казне лишь несколько сот тысяч рублей наследственных пошлин в год. Наследственный налог может быть продуктивен лишь в богатых, крупно-капиталистических странах: в Англии, напр., в 1920/1 г. наследственные пошлины дали государственному казначейству колоссальную сумму в 47,7 милл. фунт. ст., т. е. столько же, сколько в 1922/3 г. все прямые (включ. продналог) и косвен-

ные налоги и пошлины СССР вместе взятые (450 милл. р. зол.) или 50% всех доходных поступлений Казначейства СССР (934 милл. зол. руб.)[1]).

Финансовые итоги взимания прямых налогов и пошлин (по предв. данным без Закавк. и ДВО); поступило:

НАИМЕНОВАНИЕ НАЛОГОВ.	В 1922—3 бюдж. году в зол. руб. по индексу Госплана.	За первые 8 месяцев 1923—4 бюдж. года в т. черв. руб.
Промысловый налог:		
Патентный	16.675	23.738
Уравнительный	40.973	43.786
Итого	57.647	67.524
Трудгужналог	28.415	263
Общегражданский старый	1.291	
„ новый	4.786	
Налог с высоких ставок зар. платы	307	—
Подоходно-поимущественный	11.614	33.494
Надбавка в пользу последгола	1.882	1.283
Итого	105.943	102.564
Гербовый	18.237	30.164
Канцелярский	350	116
Насл. пошлины	5	21
С ресторанных счетов	—	75
Итого	18.592	30.376
Всего	124.535	132.940

[1]) Обзор работы НКФ СССР за 1922/3 г., стр. 27.

ж) Принудительное размещение госуд. 6% выигрышного займа [1]).

Бюджетные планы на июль и август месяцы 1923 года, несмотря на полное использование эмиссионных контингентов, были сведены с дефицитом. Для покрытия этого дефицита Наркомфин был вынужден прибегнуть к более интенсивной реализации наших государственных займов, в частности, 6% выигрышного займа. Фактически уже в июле и в августе была произведена выдача облигаций в счет заработной платы в размере 10% и выплачена займом часть бюджетных ассигнований.

Так как это распределение производилось хаотично и вызвало протесты, то с 1 сентября по 1 января 1924 г. принудительное размещение среди рабочих и служащих узаконено постановлением СТО от 3 сентября, чем и было положено начало принудительному сбережению, сводившемуся к некоторому виду прямого обложения, в виду того, что рыночный курс этих облигаций не соответствовал номинальной цене их, по которой они выплачивались населению. Впрочем, таким подписчикам давалась возможность залога в Госбанке и друг. в размере 60% номинала.

Ввиду указанного постановления все государственные предприятия и учреждения, находящиеся на госбюджете и хозрасчете, а также кооперативные, общественные и частные учреждения и торгово-промышленные предприятия были обязаны по 1 января 1924 г. выдавать 10% выплачиваемой ими заработной платы облигациями выигрышного займа, а именно:

---

[1]) Наши выигрышные займы являются в принципе элементом кредитной, а не налоговой системы, ибо они предполагают не только возврат в будущем полученных государством сумм, но и производимую уже ныне выплату процентов и выигрышей держателям облигаций; тем не менее они тесно связаны именно с налоговой системой в силу факта принудительности их размещения, благодаря чему поступившие суммы смогли быть обращены на покрытие нужд госбюджета.

при заработке от 15 до 20 черв. руб. — 3% зараб. плат.
» » » 21 до 30 » » — 5% » »
» » » 31 до 45 » » — 8% и т. д.
и свыше 90 » » 20%

Кроме того предписывалось при закупке организациями и учреждениями хлеба и т. д. в деревне 3% выплачиваемых сумм производить облигациями.

Декретом 4 и 18 сентября 1923 г. [1]) обязательная подписка установлена для имущих слоев населения, при чем на таких облигациях ставился штемпель о воспрещении принимать их в залог или «к котировке на бирже». Эта обязательная выборка облигаций предписана для различных категорий плательщиков подоходного налога от одной облигации до 25% оклада подоходного налога; кроме того, они же были обязаны выбрать облигации по признаку платежа поимущественного налога до 100% оклада последнего. Плательщики патентного сбора, в том числе и на личные занятия, обязаны приобретать определенное количество облигаций в зависимости от разряда выбранного патента.

Декретом 9 октября 1923 г. плательщики подоходного налога, начиная с 10 разряда, были обязаны ежемесячно приобретать определенное количество облигаций по прогрессивному тарифу (при чем, например, при полугодовом доходе в 2000 руб. обязательно ежемесячное приобретение 12 облигаций, а при полугодовом доходе в 4000 руб. обязательно ежемесячное приобретение 30 облигаций по 5 руб. зол.).

Декретом 18 сентября 1923 г. (и новеллой от 19 февраля 1924 г.) предписано выплачивать частным подрядчикам и поставщикам 15% и комиссионерам 20% причитающихся им с государственных, коммунальных, кооперативных и частных учреждений платежей облигациями выигрышного займа. После размещения первого выигрышного займа декретом 16 апреля

---

[1]) См. „Вестн. Фин.“ № 36/7, 40, 41/2 прил.

1924 г. та же система принудительного размещения распространена и на вновь выпущенный второй 6% выигрышный заем (см. «Вестн. Фин.», офиц. отд. № 36, 37 и 48 за 1924 г.). В свою очередь государственные учреждения и предприятия обязаны не менее 60% своих резервных и запасных капиталов помещать в облигации 8% золотого займа 1924 г. (о порядке этого размещения см. «Вестн. Фин.» офиц. отд. № 51).

4. Косвенное обложение в СССР.

А) Акцизы.

Не смотря на то, что в 1922/3 бюджетном году косвенное обложение охватило весьма значительное число продуктов и в довольно высоких ставках падало на такие широко распространенные продукты, как сахар, соль, табачные изделия и керосин, общие финансовые результаты должны быть признаны весьма скромными: 109 милл. руб. зол. (по индексу Госплана) в год, т. е. около 90 коп. зол. на душу населения, тогда как в 1913 г. сумма акцизных доходов (не считая винной операции) составляла 2 руб. 9 коп. на душу (а со включением чистого дохода от винной монополии—5 руб. 44 коп. за 1911 г.).

Как пессимистически ни оценивать сумму народного дохода и платежеспособность населения по сравнению с довоенным временем, все же современное душевое косвенное обложение слишком сильно отстает от довоенного, и конечно Советское Правительство едва ли может позволить себе роскошь ослабления тяжести косвенного обложения по сравнению с довоенным временем, тем более, что это означало бы и сокращение суммы возможных расходов на культурные нужды СССР и неизбежное усиление печатного станка, т. е. сугубо тяжелый налог для рабочих и служащих.

Кроме того, исключительно важная задача современного косвенного обложения заключается в том, чтобы косвенными налогами, которые позволяют систематически и мелкими дозами

и сравнительно безболезненно настигать плательщика, обложить крестьянскую массу населения в больших размерах, чем это возможно в отношении значительной части городского населения: последнее состоит в настоящее время в немалой степени из иждивенцев государства, или недостаточно оплачиваемых рабочих и служащих, а зажиточные слои граждан усиленно привлекаются к подоходно-поимущественному и промысловому налогам, налогу на роскошь и к акцизам на предметы второстепенного потребления. Если и нельзя упускать из виду ограниченные пределы и крестьянской платежеспособности, то все же не следует преуменьшать последствий того факта, что бумажно-денежная эмиссия сравнительно менее тяжело отзывалась на крестьянах, чем на рабочем населении, на которое главной тяжестью ложился рост дороговизны; и вместе с тем потенциальные возможности улучшить свое экономическое положение все же более непосредственны у крестьянина, получившего в результате революции помещичью землю в свое непосредственное пользование, чем у рабочего, который вынужден выносить на своих плечах последствия разрушения, во время многолетней войны, всей промышленности.

Поэтому, в вопросе о косвенном обложении для ближайшего будущего не может быть двух мнений о необходимости дальнейшего напряжения существующих ставок, в особенности тех акцизов, которые затрагивают широкую массу крестьянства. Главные опасения приходится высказывать относительно возможности, по современным условиям производства и сбыта подакцизных продуктов, напрягать ставки дальше того уровня, где высота обложения, в связи с высокой себестоимостью, грозит задержать самый сбыт, т.-е. и фискальные результаты акциза. Вместе с тем надлежит помнить, что в современных условиях размер акцизных ставок может в отдельных случаях составить гораздо больший процент от стоимости продукта, чем это было в довоенное время, если только таким усиленным обложением— удвоенным или утроенным на каждую единицу продукта, — мы

все косвенное обложение в совокупности доведем до мало-мальски близкого к довоенному уровня (точнее говоря, довоенного уровня, уменьшенного на степень общего понижения налогоспособности населения) и при этом не истощим самый источник, т.-е. не сократим потребления обложенного продукта в такой степени, что повышение акциза пойдет в пустую.

Под этим углом зрения и приходится в немалой степени оценивать действующие ныне акцизы.

Вот почему представляется вполне обоснованным то напряжение акцизного дохода, которое проводилось за последнее время [1]). Декретом 20 августа 1923 г. все ставки акцизов переведены на червонное исчисление [2]).

а) Акциз с табачных и гильзовых изделий.

Акциз с табачных и гильзовых изделий установлен СНК 21-го ноября 1921 г. Табачный акциз взимается с готовых изделий в виде курительного табака, папирос, сигар, сигарет и махорочных папирос, а равно с папиросных гильз и разрезной папиросной бумаги, при выпуске на рынок, при чем в доказательство легального происхождения всех этих изделий, помещения с ними должны оплачиваться особыми бандеролями и обращаться в продажу они могут не иначе, как в цельных помещениях, оклеенных бандеролями. Для непосредственного наблюдения за переработкой на каждую фабрику назначается агент коснадзора. Ставки акциза первоначально были выражены в совзнаках и подвергались неоднократному пересмотру, по мере обесценения валюты. Декретом 21 сентября 1922 г. была изменена самая система обложения табачных изделий — что было осуществлено, согласно настоянию Табачного Синдиката: начиная с 1 декабря 1922 г., взамен обложения акцизом курительного табака и папирос, выделываемых из желтых табаков (не

[1]) Все законодательство об акцизах собрано В. Г. Васильченко „Акцизы“ (по январь 1923 г.).

[2]) Вест. Фин. № 34, прил. 2.

махорки), установлено обложение акцизом листового табака, передаваемого из кладовых фабрик на самые фабрики для переработки.

Декретом 17 июля 1923 г. восстановлено обложение акцизом готовых изделий (курительного табака и изделий) с подразделением нормы этих видов изделий на 3 сорта — «высший, первый и второй» и с соответственно различными ставками акциза для каждого сорта. Этим вводится значительное усовершенствование системы табачного обложения, сообразующегося с качеством продукта и платежеспособностью потребителей.

Со времени установления твердых ставок, по декрету 20 авг. 23 г, таковые на табачные изделия местного производства составляют: 1) курительный табак (не махорка): а) высшие сорта 3 р. 60 к. с фунта, б) I сорта — 2 р. 10 к. с фунта, в) 2 сорта — 1 р. 30 к. с фунта; 2) папиросы с тысячи: г) высшего сорта 6 р. 60 к. с тысячи, д) I сорта — 3 р. 55 к. с тысячи, е) 2 сорта — 1 р. 85 к. с тысячи, однако, при уплате акциза в указанных пп. а — е размерах уплаченный акциз должен составлять, в среднем, не менее 2 р. с фун. курительного табака и 3 р. 30 к. с одной тысячи папирос, что и сводится к системе так наз. средне-сложного акциза; (ж) дополнительный акциз с папирос, вырабатываемых в папиросных мастерских, — 26 к.; з) махорка — 13 к. с фунта, и) сигары — 16 р. с тысячи; к) сигареты — 6 р. с тысячи; з) махорочные папиросы — 80 к. с тысячи. С табака и табачных изделий, привозимых из-за границы, — повышенные ставки. Независимо от акциза, право торговли табачными изделиями обусловлено выборкой особых свидетельств патентного сбора, в зависимости от рода торговли (оптовой, розничной, в разнос и развоз, русскими и иностранными табаками) и по 6 поясам местностей (см. декрет 15 ноября 1923 г. Вестн. Фин., оф. отд. № 90); к этим патентам добавляется особый сбор в 10% на ликвидацию безграмотности (декрет 14 декабря 1923 г.; В. Ф. № 102).

Кроме того, облагаются особым акцизом гильзовые изделия: папиросные гильзы (26 к. с тысячи) и папиросная бумага 2 к.

с квадратного метра весом от 13 до 18 грамм в кв. метре и по 1/2 коп. с кв. метра весом свыше 18 грамм в кв. метре [1]).

Поступления от табачного акциза систематически растут, составив за 1922/3 б. год 18,5 милл. руб. зол. и 17,5 милл. р. за первые 8 месяцев 1923/4 б. г. Тем не менее, приходится говорить об известном перенапряжении акциза, замедляющем сбыт, однако в табачной промышленности вызывают некоторое опасение запасы сырья и состояние самого табаководства—оно заметно падает, и при высокой цене на табачные изделия табаководы выручают низкую цену, — хотя запасы сырья обеспечивают работу по сокращенной норме еще в течение 2 лет. И именно это обстоятельство, т.-е., возможность сырьевого голода в близком будущем, оправдывает в некоторой степени высокие ставки акциза в целях искусственного сжимания потребления.

С другой же стороны, в самой табачной промышленности наблюдался ненормальный сдвиг в пользу форсированного перехода производства на готовые изделия (папиросы), а не крошеного табака. Отчасти этому способствовала введенная по настоянию Табачного Синдиката и действовавшая одно время система обложения листового табака, а не изделий. Между тем при пониженной покупательной способности населения приобретение готовых папирос много труднее, чем крошеного табака, не говоря уже о возможном в данном случае добавочного стимула к корчемному потреблению и к переходу на махорку.

В настоящее время намечена отмена старого средне-сложного акциза, который с 1 апреля 1924 г. понижен до 1 р. 70 к. с фунта и до 2 р. 80 к. с тысячи папирос. Такая отмена таит большие опасности для фиска, но ей предполагается противопоставить систему предельных цен по 5 разрядам изделий, что не даст, однако, полной гарантии интересов фиска.

Что же касается махорочной промышленности, то и она страдает, главным образом, от недостатка сырья. Рынок ощу-

---

[1]) Вестн. Фин. 1924, оф. отд. № 25, 32 и 33.

щает непрерывный махорочный голод, и спрос все время превышает предложение. При этих условиях вполне возможко напряжение акцизной ставки, если только этому не будет препятствовать корчемная торговля кустарной махоркой [1]). Тем не менее высокие технические преимущества фабричной махорки позволяют выдержать эту борьбу, и немаловажная задача заключается в проникновении этого продукта в деревню, где по преимуществу пробывшее на войне население приобрело привычку курения табака. Туземные табаки бакун и швицент приравнены к махорке по платежу акциза [2]).

В целях борьбы с корчемством, 14 мая 1924 года издана особая инструкция об обязательной регистрации всех плантаций желтых табаков площадью в 150 кв. саж. и выше и махорочных и других нисших сортов в 60 кв. саж. и выше; агенты косинспекции обязаны учинять учет наличности табака на этих плантациях по окончании сбора [3]).

б) Акциз с сахара.

Акциз с сахара установлен декретом 21 апреля 1922 г. Акцизу подлежит готовый продукт (в том числе и крахмальный), а равно и привозный из заграницы сахар (в последнем случае независимо от таможенных пошлин в 2 р. 50 к. зол. для песка и 4 р. для рафинада). Срок уплаты акциза трехмесячный, а для частных заводов 7 дней со дня выпуска сахара с завода. Акциз на сахар, сложенный на базисных складах Сахаротреста, оплачивается не позднее месячного срока выпуска со склада. Для крахмальной патоки и сахара, изготовленных на государственных заводах, срок платежа — одномесячный, для частного завода — 7 дней.

---

[1]) См. цирк. НКФ о борьбе с корчемной махоркой. Вест. Фин., оф. отд., № 92 от 1923 г.

[2]) См. В. Ф. оф. отд. № 88. за 23 г. и № 74 за 24 г.

[3]) См. „Вестн. Фин.", 1924 г. оф. отд. № 47 и 50.

Акциз со свекловичного сахара составляет в настоящее время 4 р. зол. с пуда, а на крахмальный сахар — 1 р. 60 к. с пуда. Существовавший одно время дополнительный акциз на рафинад в 1 руб. с пуда отменен декретом 8 февраля 1924 г. [1]).

Всего на территории СССР находится 236 сахарных заводов, из которых 196 сосредоточены на Украине и 40 в Великороссии. В кампанию 1922/3 г. действовало 87 заводов Украины и 25 заводов Великороссии.

Выработка сахарного песка в 1921/2 г. составила 3.063 т. пуд., 1922/3 — 12.226 т. п., 1923/4 г. по предварительным подсчетам 20.017 т. пуд., т. е. 19% довоенной выработки. В 1924/5 г. предполагается довести выработку до 27 милл. пуд. Урожаи свеклы по сравнению с 1914/5 г. значительно уменьшились в виду худшей обработки и истощения почвы и увеличения вредителей, однако, урожай свеклы у плантаторов — крестьян выше, чем на заводских плантациях.

Крайне ненормальным является оплата плантаторской свеклы натурой, т.-е. сахаром, что составляет громадную переплату, тем более, что плантаторы получают около 3 миллионов пудов сахара и дезорганизуют рынок. Оплата натурой не в малой степени об'яснялась неустойчивостью валюты и неналаженностью кредита. Между тем, для сахарной промышленности, имеющей сезонный характер, вопрос о кредите имеет самое первостепенное значение.

Вредно влияет и недогрузка заводов, перерывы, недостаток топлива и т. п.

По исследованию И. Г. Борисова, себестоимость производства сахара возросла против довоенного в два слишком раза (4 р. 58 к. против 2 р. довоенных), при чем значительно возросли стоимость свеклы, топлива, сезонных рабочих, амортизация, налоги, и нек. друг. накл. расходы.

---

[1]) „Вестн. Фин.“, 1924, оф. отд., № 15.

Не смотря на высокие цены, в сахаре постоянно ощущался недостаток, и розничные цены местами достигали особенно высокого уровня, что свидетельствует о дезорганизованности рынка.

При 4 р. ставке акциз составил 84% себестоимости песка, до войны при 1 р. 75 коп. ставке акциз составлял 75—85% себестоимости продукта.

Казенный доход от акциза с сахара стоит на первом месте всех прочих акцизных поступлений, составив 25 милл. руб. за 1922/3 б. год. Однако, сахарная промышленность дает крупную недоимочность и требует постоянных отсрочек платежа акциза [1]. Тем не менее этот факт не может быть истолкован в смысле непосильности акциза для потребителей, ибо на рынке имеется определенный сахарный голод, который естественно вздувает розничные цены, т.-е. прибыль посредников. Таким образом, высокий акциз никакого влияния на уменьшение сбыта не оказал.

Равным образом, имела довольно мало реальной пользы для потребителя и для самой промышленности система предельных цен и такс на сахар, устанавливаемых Комвнуторгом. Сахар по этой относительно низкой цене разошелся в немалой степени среди перекупщиков и рыночных торговцев, занимавших очереди перед лавками Сахаротреста. В результате, при малейшем исчерпании запасов на складах трестов, розничная цена на вольном рынке вздувалась весьма значительно. С другой же стороны, Сахаротрест страдал от конкуренции сахара, сбывавшегося плантаторами (т.-е. полученного ими в платеж за свеклу) сплошь и рядом по низкой цене, хотя это явление имело место гл. образом лишь в районах производства.

---

[1]) За сент. — декабрь 1923 г. сахарный акциз дал только 1.712 т. р.зол. (что соответствует около 400 тыс. пуд. сахара), но здесь была дана длительная отсрочка. Вследствие новых отсрочек, акциз со свеклов. сахара дал за первые 8 месяцев 1923/4 б. г. всего 23 милл. руб.

Наше современное потребление, включая заграничный сахар, составило в 1922/3 г. около 4,6 фунтов на душу населения против 18 фунтов в среднем в пятилетие до войны. Не подлежит сомнению, что и расширенная программа 1923/4 г. в 20 милл. пуд. не насытит рынка.

Между тем Сахаротрест предполагает вывезти заграницу до 2 1/2 милл. пуд. (в Персию, Турцию, Китай и Монголию, Афганистан и Финляндию). В данном случае мы будем иметь дело с политикой аналогичной довоенной системе контингентирования и ограничения внутреннего сбыта в целях поддержания достаточно высоких внутренних цен. По существу, подобный план имеет известное оправдание в том смысле, что естественные и экономические условия нашего сахарного производства неизбежно требуют повышенной себестоимости, без каковой значительная часть наших заводов работать не может: только искусственно высокие цены позволяют поддерживать производство на значительной части наших заводов.

Однако, допуская возможность такой политики, мы должны иметь гарантию, подобную довоенной, что вывоз за границу излишков не будет влечь за собою повышение внутренних цен дальше определенного максимума: на этот случай Центросоюзу и др. органам должно быть предоставлено право ввоза сахара из заграницы без оплаты таможенной пошлиной или с пониженной таможенной пошлиной. Это не будет столь нелепой политикой, как может показаться на первый взгляд, и вполне окупится с народно-хозяйственной точки зрения, если только реализуемые нами на Востоке цены будут выше тех, по которым мы будем сами закупать за границей, а количество ввозимого сахара не будет превышать количество вывозимого.

С точки зрения нашей акцизной политики, при создавшемся положении неизбежно форсирование ставок, иначе понижение пойдет, главным образом, на пользу посредников, а не потребителя, который уже сейчас при высоких ценах пред‘являет спрос выше того, что может быть удовлетворено. Поскольку же во-

прос ставится в плоскости большей доступности сахара для деревни, в сахарном вопросе, как и в большинстве прочих отраслей подакцизной промышленности, центр тяжести переносится в сферу надлежащей организации кредита по сбыту сахара: необходимо широкое кредитование тех посредников, которые обязуются продавать сахар по ценам не выше определенного лимита.

За сахаротрестом накопилась крупная задолженность по акцизу (40 милл. руб. на 1 июля 24 г.), однако он пользуется в сущности этими суммами акциза для увеличения своих оборотных средств.

При недостатке выработки свекловичного сахара у нас неизбежно развитие крахмального сахара, сбыт коего, несмотря на довольно высокий акциз, держится на уровне около 100 тыс. пуд. в месяц. Акцизный доход составил почти 1 милл. р. зол. за 1922/3 б. год и 1,2 милл. р. за первые 8 месяцев 1924 г.

в) Акциз на соль.

Акциз на соль введен в действие с 1 марта 1922 г. одновременно с отменой государственной монополии на соль. Все соляные месторождения и недра об'явлены достоянием государства, но могут быть сдаваемы в аренду. Возможность свободной торговли сильно оживила эту отрасль народного хозяйства. К сожалению, условия транспорта отразились крайне неблагоприятно, так как вывоз из солезаготовительных районов был значительно меньше фактически добытой соли.

Добыча соли с 1 октября 1921 г. по 1 октября 1922 г. составила 47.933 тыс. пуд. или 49% довоенной добычи (97.984 тыс. пуд.), при чем главное сокращение падает на бахмутскую, пермскую и крымскую соль. В Крыму запасы соли превышают обычное годичное производство, а запасы бахмутской соли доходят до $^1/_3$ довоенной годовой добычи. Сбыт оплаченной акцизом соли за 1922/3 б. год составил почти 63 милл. пуд., т.-е. около 20 ф. на душу населения, что соответствует до-

военному душевому потреблению (вернее сказать, сбыт соли на пищевое потребление даже повысился, так как до войны гораздо больший процент падал на промышленное потребление).

Таким образом, есть основание полагать, что население в течение 1922 и начале 1923 г. усиленно запасалось солью после пережитого соляного голода в период монополии. Этим, повидимому, главным образом, приходится об'яснять и некоторое снижение сбыта во второй половине 1923 г.

Установленная декретом 20 августа 1923 г. ставка соляного акциза составляла 45 коп. зол. с пуда, т. е. значительно ниже западно-европейского уровня в странах, где взимается этот акциз [1]. При отсутствии возможности иными способами и более или менее безболезненно захватить налогами широкие слои крестьянства, достаточно сильное напряжение именно соляного акциза, выплачиваемого мелкими долями (т. е. более безболезненно, чем прямым обложением) представляется существенно важным. Деревня испытывает не столько бремя соляного акциза, сколько последствия совершенно неорганизованного, а потому и сопряженного с громадными переплатами, сбыта соли в гущу деревни.

Опасения переобременить население и желание облегчить приобретение соли крестьянством и отчасти решительные домогательства со стороны Солесиндиката, поднявшего тревогу по поводу снижения потребления, побудили в срочном порядке пересмотреть акцизную ставку, которая и была декретом 27 ноября 1923 г. [2]) понижена до 22 коп. зол. за пуд для пищевого потребления и до 15 коп. зол. для соли, идущей на нужды государственной и кооперативной промышленности. Соль государственных и кооперативных промыслов пользуется 3-х месячной отсроч-

---

[1]) Для соли, отпускаемой на технические цели, установлена скидка в 50% (для предприятий основной государственной химической промышленности) и 25% для прочих видов госпромышленности и Центросоюза.

[2]) „Вестн. Фин." № 94. Новая инструкция по взиманию акциза с соли см. „Вестн. Фин.", оф. отд. № 48 за 1924 г.

кой, а частных и арендуемых промыслов — 7-ми дневной отсрочкой на оплату акциза со времени выпуска.

По исследованию И. Г. Борисова, одновременно с понижением акциза калькуляция баскунчакской соли (без акциза) была понижена на декабрь 1923 г. в значительной степени, именно, до 53,3 коп. против 73,85 к. зол. в сентябре того же года. В результате соль в декабре стала расцениваться со включением акциза по той же цене, как и соль в октябре без акциза, т. е. 75 коп. (а в октябре 74 коп. плюс 45 коп. акциз, итого 119 коп.).

Хотя такое понижение и содействовало, конечно, росту сбыта, однако, приведенная калькуляция свидетельствует о совершенно второстепенном значении акциза в калькуляции цен на соль. К сожалению, некоторые данные указывают и на то, что понижение оптовых цен сравнительно мало повлияло на понижение розничных цен, и в худшем случае акциз является лишь способом заставить соляную промышленность давать казне ту прибыль, на какую она может претендовать, как собственник всех месторождений соли. При правильной постановке сбыта население совершенно не будет ощущать налога по сравнению с нынешними ненормальными и вздутыми ценами.

Между тем, соляной акциз является одним из первостепенных источников государственного дохода, составляющийся из мельчайших, незаметных крох налогового обременения. За 1922/3 б. год поступило 15 милл. р. зол. Если же исходить из акцизной ставки последнего времени, то сделанное понижение означает недобор около 12 милл. р. зол. в год. И есть основание утверждать, что из всех наших акцизов, пожалуй, только акциз на соль допускает дальнейшее серьезное повышение без какой-либо опасности понизить сбыт или затруднить потребление. При этом единственным серьезным аргументом против такого повышения является лишь опасность усиления корчемного сбыта, уже сейчас дающего себя знать довольно сильно [1]).

[1]) См. циркуляр НКФ в „Вестн. Фин.“ оф. отд. № 2 за 1924 г.

г] Акциз с нефтяных продуктов.

Акциз с нефтяных продуктов установлен декретом 9 марта 1922 г. Обложению подлежат: нефтяные осветительные масла (керосин) с удельным весом 0,810 до 0,860, с температурой вспышки не ниже 28° Ц. и прочие прозрачные продукты (соляровые и смазочные масла) за исключением бензина по 80 коп. зол. с пуда, бензин 1 р. 60 к. с пуда. Свободны от акциза природная сырая нефть и непрозрачные нефтяные продукты. Акциз взимается наличными деньгами при выпуске продуктов за пределы завода, а в Баку, Батуме и Грозном — за пределы соответственных нефтяных районов. Нефтяные продукты, привозимые из-за границы облагаются акцизом сверх таможенной пошлины.

Роль нефтяного акциза в общем доходе от косвенного обложения — значительная и составила 11 1/2 милл. руб. зол. за 1922/3 б. год и 12,6 милл. руб. зол. за первые 8 месяцев 1923/4 б. г.

По исследованию И. Г. Борисова, потребление керосина составляет у нас в настоящее время лишь 40% по сравнению с довоенным временем, а выработка 65%. Избытки запасов керосина громадны, доходя до 40 милл. пуд. и обеспечивая двухгодичный сбыт. Между тем население, по преимуществу деревня, сократили потребление до минимума. Продажная стоимость керосина в Баку составляла в 1913 г. — 54 коп., а в 1923 г. — 63 коп. черв. До войны акцизная ставка (60 коп. с пуда) составляла 112% отпускной цены в Баку, а акцизная ставка конца 1923 г. — 130% отпускной цены.

Между тем, движение розничных цен мало следует за движением акцизных ставок, что указывает на дезорганизованное состояние рынка и неналаженность торговли. Сбыт керосина за границу в настоящих условиях оказывается маловыгодным, хотя последние сделки более удачны, и лишь экспорт бензина и смазочных масел представляет серьезный интерес.

Озабочиваясь стремлением расширить сбыт керосина внутри страны и, в частности, в деревне, Советское Правительство декретом 11 января 1924 г. понизило акцизную ставку на керосин до 60 коп. зол. с пуда. К сожалению, без коренной реорганизации торговли керосином, эта мера рискует не дать всей необходимой пользы. Быть может, в этой области надлежало бы испробовать откупную систему, т. е. контингентировать размер обязательного минимума платежа общей суммы нефтяного акциза (напр., 6 милл. руб. в квартал), предоставив Нефтесиндикату всю выгоду от дальнейшего расширения сбыта и сняв всякий акцизный надзор. Не следует при этом упускать из виду, что акциз на керосин, при больших заминках сбыта, может невыгодно отражаться и на прочей продукции нефтематериалов.

д) Акциз на изделия текстильной промышленности.

Акциз на изделия текстильной промышленности введен декретом 28 февраля 1923 г. и в настоящее время по своей фискальной продуктивности передвигается на одно из первых мест. Акцизом облагаются пряжа всякого рода и шелковые и полушелковые ткани и привозимые из-за границы всякого рода пряжа и ткани и изделия из них. Акциз с пряжи взимается в «фабричных заведениях», коими считаются все заведения с числом более 10 веретен для прядения или более двух работающих станков для производства шелковых или полушелковых тканей или применяющие механическую или животную силу. Акциз взимается по весу нетто пряжи в зависимости от рода волокна и номера пряжи по подробному тарифу. Напр., для бумажной пряжи не свыше № 9 — 2 коп. зол. с фунта, выше № 9 до 29 — до $4^{4}/_{10}$ коп. зол. с фунта и т. д. [1]).

---

[1]) См. „Вестн. Фин.“ 1923 г. № 34 прил. и пониженный тариф для шелковых тканей внутр. производства „В. Ф.“ оф. отд. № 97. Новая инструкция по взиманию текстильного акциза издана 17 марта 1924 г. („В. Ф.“ оф. отд. № 29 за 1924 г.).

Ставки различаются по роду пряжи или ткани (льняная, шерстяная, шелковая и т. д.). Рассрочка акциза для государственных и кооперативных предприятий — 3 месячная, для частных — 1 месячная со времени выпуска.

Общая сумма поступлений за 1922/3 б. год составила около 8 милл. р., а за первые 8 месяцев 1923/4 б. г. — 13,6 милл. р.

е) Прочие акцизы.

Из прочих акцизов, имеющих меньшее фискальное значение, необходимо отметить акциз на виноградные вина, крепостью не более 20 градусов, на этиловый (винный) спирт, отпускаемый для технических целей, на русский коньяк, настойки и наливки, со спичек, с чая и кофе, с пива, кваса, меда, фруктовых и искусственных минеральных вод, с меда крепостью 1½ — 8 град. (облагаемого по ставке для плодовых и ягодных вин), с прессованных дрожжей, свечей, галош, сахарина (последний акциз ныне отменен). Из этих акцизов наибольшую продуктивность за последнее время проявляют акцизы с пива, виноградных вин, спичек и наливок. Кроме того, за право продажи вина, табачных изделий и пива взимается патентный сбор, давший за первые 8 месяцев 1923/4 б. г. 1.202 тыс. руб.

Таковы действующие у нас акцизы. Этот перечень все же указывает, что наше косвенное обложение сравнительно мало проникает в деревню и относительно в гораздо большей степени обременяет городское население, ибо по преимуществу (по крайней мере, по расчету на душу населения), именно город потребляет табак, спички, виноградные вина, пиво, воды, чай, кофе, дрожжи, бензин, отчасти сахар. И до войны акцизное обложение в большей степени падало на город, чем на деревню. В довоенных условиях это не могло вызывать серьезных возражений, так как город обладал весьма высокой налогоспособностью, а деревня несла значительное податное обременение в виде сильно обложенной водки.

Поэтому особенную важность имеют такие акцизы, которые уплачиваются и сельским населением, как-то акциз с соли, керосина, отчасти сахара, главным образом, рафинада (но акциз с рафинада ныне отменен). Если крестьянство платит высокий сельхозналог, то последний все же не исчерпывает всей налогоспособности всех слоев крестьянского населения, вернее говоря, он не должен достигать, в виду его неизбежных несовершенств, такого уровня, где другим налогам уже не было бы места: всякий «единый налог» всегда страдает односторонностью и несовершенством (даже подоходно-поимущественный в наиболее развитых формах), а тем более в нынешних условиях изменчивой коньюнктуры.

Казалось бы, что функционирование целого ряда мелких акцизов составляет для фиска лишнюю обузу. Однако, с отменою их пришлось бы вздергивать ставки прочих основных акцизов, которые вообще надлежало бы держать на максимально возможном уровне, в виду явной недостаточности общей суммы действующего косвенного обложения. И к тому же мелкие акцизы обременяют, по общему правилу, потребление роскоши или продуктов второстепенного значения.

Между тем, условия национализации всей нашей крупной промышленности толкают на путь дальнейшего расширения области акцизного обложения, как на меру стимулирования сдачи в казну максимально возможной доли прибыли. Весьма знаменательным является тот факт, что при последнем общем сдвиге товарных цен, начиная с сентября 1922 г., с особенной силой поднялись по общему правилу подакцизные предметы (при переводе цен на товарный индекс, за вычетом акцизной ставки), что явно свидетельствует о сугубом использовании подакцизной промышленностью выгодной коньюнктуры, позволившей сильно вздернуть цены [1]).

При предоставлении государственным предприятиям широкой свободы хозяйственного распоряжения практически весьма важно

[1]) См. „Народное и Госуд. Хозяйство“ 1922/3 г. Изд. НКФ, стр. 729.

заставить руководителей трестов отчислять максимум возможных поступлений в пользу казны: это отчасти достигается системой обложения оборота в промысловом обложении и особенно сильно проводится путем акцизного обложения всей выработки.

Конечно, необходимо согласование акцизной системы с таможенно-тарифной политикой и организацией внешней торговли: иначе государственная промышленность могла бы попасть в слишком тяжелые условия иностранной конкуренции, или же, наоборот, пользуясь своим монопольным и всецело огражденным от иностранной конкуренции положением, искусственно вздергивать цены и совершенно не заботиться о достаточном удовлетворении внутреннего рынка: вместо того, чтобы отбрасывать государству максимум прибыли расширением оборота, руководители государственных трестов могли бы поддаться искушению вздергивать цены до голодного уровня, — по обычному рецепту монопольных синдикатов капиталистического мира,—и мало заботиться о народно-хозяйственных последствиях подобной политики. Тогда именно и наступила бы безусловная необходимость путем акцизной политики создать известный противовес такого рода тенденциям, именно тем, что в основу пересмотра акцизных ставок будет браться преимущественно соотношение ставки с продажными ценами государственного синдиката, а общая сумма акцизного дохода от каждого продукта контингентироваться в определенных границах, что могло бы искусственно стимулировать увеличение сбыта, т. е. ослабление акцизного гнета на каждую единицу продукта. Во всяком случае, для нашей государетвенной промышленности открывается первостепенная задача, не использования своего монопольного положения, а наоборот, более глубокого проникновения в гущу деревни и организации широкого сбыта: громадная разница оптовых и розничных цен явно указывает на ненормальность современной организации торгового аппарата, и именно в этой области необходима реорганизация постановки кредитного дела Республики для обслуживания торгового аппарата.

Финансовые итоги косвенного обложения.

	Поступило.	
	за 1922/3 бюдж. г. по предв. дан. в зол. руб. по инд. Госплана на 1-е число каждого мес.	За первые 8 месяцев 1923/4 б. г. чверв. руб.
Акциз с сахара	25.133.803	23.934 000
„ с табачн. изделий	18.484.213	16.736.000
„ с соли	15.017.957	11.842.000
„ с нефт. продуктов	11.431.735	12.585 000
„ с пива	7.426.048	10.855.000
„ с текст. изделий	7.917.828	13.631.000
„ с спирта	5.397.394	6.353.000
„ с зажиг. спичек	5.035.832	5 329.000
„ с чая, кофе и суррогатов .	4.823.084	5.390.000
„ с виноградн, вина	3.271.941	5.958.000
„ с дрожжей	1.990.515	2.953.000
„ с гильз	643.537	735.000
„ с наливок, настоек и коньяка	594.549	4.841.000
„ с свеч	450.490	506.000
„ с меда, кваса и вод	290.258	205.000
„ с галош	235.358	1.075.000
„ с сахарина	130.595	21.000
Прочие	205.158	—
Итого	109.468.488	122.949.000

Б. Таможенное обложение.

С изданием постановления 12 ноября 1920 г. таможенное обложение фактически было почти совершенно упразднено, т. к. почти единственным экспортером и импортером являлся Нар. Комиссариат Внешней Торговли.

Со времени перехода на новую экономическую политику был выработан новый таможенный тариф от 9 марта 1922 г., ныне замененный тарифом от 8 января 1924 г.[1]).

В условиях монополии внешней торговли, протекционная сторона нашего таможенного тарифа естественно отодвигается на задний план, хотя самый тариф построен на началах сугубого и, в общем, огульного протекционизма. Фискальное же его значение довольно высоко, так как общая сумма поступлений, по предварительным данным, составила за 1922/3 б. год 63 милл. руб. Таможенный доход за первые 8 месяцев 1923/4 б. года составил, по предвар. данным, 35.633.000 руб.

Таможенный доход страдает от недостаточной охраны границ от контрабанды и отчасти от различных из'ятий для различных организаций и т. д.

Кроме обложения ввоза, у нас существует фискальный вывозный таможенный тариф, при том вначале во многих случаях чрезмерно высокий, вследствие чего, с течением времени, произведено понижение или отмена многих вывозных ставок (на хлебные продукты, ликоподий, спорынью и т. д.). При громадном значении у нас в данное время форсированного экспорта, крайняя осторожность в назначении экспортных таможенных пошлин совершенно неизбежна. В этом направлении действует система возврата акциза и безакцизных отчислений на ряд вывозимых заграницу продуктов. Независимо от этого установлен особый целевой сбор с вывозимых заграницу хлебофуражных продуктов на нужды оборудования портов («В. Ф.», оф. отд. № 31 за 1924 г.).

---

[1]) **Издан особой книжкой.**

Общие же вопросы организации нашей внешней торговли выходят за пределы настоящего очерка, посвященного собственно действующей у нас государственной налоговой системе.

5. Местное обложение.

Детали нашей системы местного обложения выходят за пределы настоящей брошюры, и об этом здесь будет упомянуто только вскользь.

Постановлением III сессии ЦИК'а СССР от 12 ноября 1923 г. утверждено новое «временное положение о местных финансах». Этим положением урегулированы учреждения, ведающие местными финансами, определены предметы местных финансов, т. е. расходы, отнесенные на местные средства, и доходы, порядок субсидирования местных бюджетов из общегосударственных средств и порядок составления и исполнения местных бюджетов.

Независимо от отчислений (с сельхозналога, промналога, наследственных пошлин, лесных доходов и др.) и надбавок (к промналогу, подоходно-поимущественному, охотничьему, судебной пошлине и нотариальным таксам), местным советам предоставляется право устанавливать следующие налоги и сборы: со строений в городских поселениях (не свыше $1/4\%$ стоимости), с фабрично-заводских, торговых, промышленных и дачных помещений вне городов, дополнительное рентное обложение, специальное обложение с имуществ, получающих особые выгоды, сбор с древесины, с промышленных садов и огородов, с заведений трактирного промысла, с лошадей и выездных экипажей, велосипедов и автомобилей и т. п., с извозного и перевозного промысла, с подвижной торговли (на базарах и т. п.), с пригоняемого на рынок скота, налог со скота в городах, налог с грузов, привозимых и вывозимых по жел. дор. и водным путям сообщения (довольно крупный источник), с публичных зрелищ и увеселений, с об'явлений, с биржевых сделок, с аукционных продаж и волостной

сбор (порядок взимания последнего устанавливается инструкциями НКФ подлежащих республик) [1]).

Местный бюджет, несомненно, перегружен и требует значительных дотаций со стороны государства и отчислений из госналогов. За первые 8 месяцев 1923/4 б. г. отчислено в местный бюджет: из сельхозналога — 41.927 т. р., от промналога — 23.632 т. р., насл. пошл. и с рест. счетов — 29 т. р. Кроме того дали: местные надбавки к промналогу — 69.923 т. р., к питейным и табачн. патентам — 1.959 т. р., к пошлинам — 3.177 т. р., подох. поим. налогу — 6.850 т. р., итого 81.909 т. р.

Итоги налоговых поступлений по всем источникам указаны в след. таблице (помещ. на стр. 82).

Общий результат налоговой работы, которую пришлось создать сызнова при крайне неблагоприятных условиях, должен быть признан тем более значительным, что в 1913 г. прямые налоги, косвенные налоги и пошлины (без винной монополии) дали 7 руб. на жителя, а нынешние денежные налоги в первоначальной стадии развития налоговой работы дали за 1922/3 б. год почти 3 р. 50 коп. на жителя, не считая сельхозналога, но включая поступления местных налогов. В частности, прямые денежные налоги за 1922/3 год дали 90 коп. на жителя (без сельхозналога), а в 1913 г. — 1 р. 50 к. на жителя, косвенные налоги (без там. пошлин и вин. монополии) так же 90 коп., а в 1913 г. около 2 р. на жителя.

Все же приходится опасаться, что нынешний налоговый режим достиг чрезмерного напряжения, ибо недоимочность сильно растет. Она составила по всем налогам на 1 ноября 1923 г. — 14,1 милл. руб., 1 марта 1924 г. — 36,4 милл. руб. и 1 июля 1924 г. — 73,3 милл. руб., из коих 17 милл. руб. приходятся на промысловый налог, 17,3 милл. руб. — на подоходно-поимущественный и 36,7 милл. руб. на акцизы.

---

[1]) См. Цирк. НКФ 21 ноября 1923 г. „Вестн. Фин." оф. отд. № 91, и Инструкцию по составлению волостного бюджета на 1923/4 б. г. и правила взимания волостного сбора по РСФСР от 7 декабря 1923 г.

Общие результаты поступлений налогов, сборов и доходов (по предв. свед.).

	Поступило.	
	за 1922/3 бюдж. г. (в зол. р. по инд. Госплана на 1 число каждого мес.)	за первые 8 месяцев 1923/4 б. г. в черв. руб.
Прямые налоги (кроме сельхознал.)	105.943.000	101.523.000
Пошлины	18.592 000	30.355.000
Косвен. нал. (акцизы и акц. патент.)	108.664.000	124 151.000
Косвен. нал. (тамож. пошл.) . . .	62.666.000	35.633.000
Итого госуд. нал. . . .	295.865.000	291.662.000
Отчисления (из вышеуказан. итога не счит. отч. от с.-х. налога):		
С пром. нал. 75%, с июня 25% и 50%	35.271.000	23.632.000
С трудгужнал. 30%, с апр. 50% .	11.188.000	—
Общегражд. нал.	589.000	—
Наследств. 50%	2.000	10.000
Сбор с ресторю счетов	—	19.000
Итого отчисл. местам из госнал.	47.050.000	23.661.000
Всего пост. в пользу гос. (за иск. отч.)	248.815.000	268.001.000
Местн. нал. и сб. (вкл. надб. к госнал.)	110 228.000	123.952.000
Всего нал. и сб. (без сельхоз. налога и отчисл. от него . . .	408.093.000	415.614.000
Неналоговые доходы	489.686.000	нет свед.
Местн. неналог. доходы (включ. отч. лесн. дохода)	84.416 000	нет свед.
Итого все налоги и доходы . . .	976.105.000	—

Кроме того, сельхозналог за 8 месяцев 1923/4 г. дал в пользу государства — 191.009 т. р. (из коих местн. б. отчислено 41.927 т. р.) и в дополнение к этому в августе и в сентябре 1923 г. поступило сельхозналога в счет доходов, предусмотренных бюджетным планом 1923/4 г., — 35.171 т. р. (в ден. исч.), из коих в местные средства отчислено — 7.487 т. р.

ГЛАВНЕЙШАЯ ЛИТЕРАТУРА О НАЛОГОВОЙ СИСТЕМЕ СССР.

(Кроме приведенной в тексте).

1. **Налоги** (Сборник декретов, инструкций и циркуляров за 1921—1922 г.г.). Изд. Фин.-Эконом. Бюро НКФ. Москва, 1922 г.

2. **Государственное и Народное Хозяйство Союза Советских Социалистических Республик в 1922—1923 г.** Москва, 1923 г.

3. **Налоги Советской России**, два выпуска, НКФ 1923 г. и „**Статистический сборник**": госуд. и местные налоги и доходы за 1922/3 б. год. 1924 г.

4. **Социальная революция и финансы.** Сборник к III Конгрессу Ком. Интернационала.

5. **Обзор финансового законодательства 1917—21 г.**, изд. Инст. Эконом. Исследований при НКФ.

6. „**Вестник Финансов**" и „**Финансовая газета**".

7. **Сокольников**, Борьба с финансовым развалом; его же, Проблемы фин. строительства; его же, Задачи фин. политики; его же, Денежная реформа.

8. **Левин.** Налоги и крестьянство.

9. **Иверонов.** Техника прямого обложения.

10. **Ильин.** Техника косвенного обложения, с доп. Тендетникова-Лясковского.

11. **Очередные вопросы фин. политики**, два сборника, НКФ.

12. **Налоги и промышленность.** НКФ.

13. **Обзор работы НКФ СССР за 1922/3 г.**

14. **Кузовков.** Азбука фин. политики и его же, Финансовая система в период перв. соц. нак. 1923 г.

15. **Меньков.** Осковн. начала фин. науки, 1924 г.

16. **Инбер.** Акцизы и промышленность.

17. **Попов, О.**, Денежные налоги в деревне.

18. **Каменев.** Налоговая политика в деревне.

19. **Материалы по вопр. об облож. промышленности**, изд. Совета С'ездов

20. **Гензель. Будущий** финансовый план, в „Социал. Хоз." № 9/10 за 1923 г.

21. Твердохлебов. Новейшие финансовые проблемы, 1923 г.

22. Статистический сборник по гос. бюджету и ден. обращ. за 1922/3 г. и 1-е пол. 1922/4 б. г. ФЭБ. 1924 г.

23. Борисов. Соль, ситец, сахар, керосин, 1924 г.

24. Воскресенский. Пошлины.

25. Сельское хозяйство СССР 1923/4 г., изд. НКФ 1924 г. и Крестьянское хозяйство РСФСР 1922 г. изд. НКФ 1923 г.

26. Загряцков, Бюджетные права местных советов.

27. Законодательство о налогах. 4 части. ВСНХ.

Ряд популярных брошюр изд. НКФ: Сырнева, Иверонова, Левина, Альского и др.

Дальнейшую литературу см. в Системат. указателях материалов по экон. вопр., изд. „Экономической Жизни“ с 1922 года.

PS. Рукопись настоящей брошюры была сдана в начале февраля. Вследствие происшедшей задержки в печатании до лета тек. года, автор мог лишь бегло исправить и обновить текст.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Цена 60 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
„ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ“
МОСКВА, Страстной бульвар, 10.
КНИЖНЫЕ МАГАЗИНЫ:
МОСКВА, Петровка, 16.
ЛЕНИНГРАД, Пр. 25 Окт., 40.